

Евгений КРИВЕНКО
СЕРЫЕ
ЗЕМЛИ ЭДЕМА

@ЭЛИТА

16+

Евгений Кривенко
Серые земли Эдема
Серия «Избранники Армагеддона», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7382757

Избранники Армагеддона. Книга 1. Серые земли Эдема: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2013

Аннотация

Андрей Двинский силой обстоятельств и особенностей личности оказывается втянут в игру, ведущуюся некими высшими силами мироздания. В эту игру включаются и земные сообщества, тайные организации и спецслужбы. Их противостояние и взаимодействие отражает запутанную политическую и социальную ситуацию, в которой находится современная цивилизация.

Андрей получает возможность посещать вероятностные миры, отражающие многоликие сути Вселенной, и перемещаться в различные временные слои, наблюдая как прошлое, так и варианты будущего. Невольно он становится причастен к тому, что в наш мир попадает новое страшное оружие. Это радикально меняет судьбу героя и ту реальность Земли, в которой мы живём.

Сюжет романа – соединение фантастики с увлекательным триллером, местами – с политико-эзотерическим детективом и с занимательными философскими рассуждениями о судьбах человечества вообще и нашей страны, в частности, в многообразном и многомерном мире.

Роман «Серые земли Эдема» интересен всем, кто ценит два компонента в одном «флаконе»: фантастику увлекательную и фантастику умную – редкое в наши дни сочетание.

Содержание

Пролог	4
1. Столица мира	6
2. Безенгийская стена	15
Интерлюдия. Сибил	28
3. Парк в сумерках	31
4. Ветер будущего	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Кривенко

Избранники Армагеддона.

Книга 1. Серые земли Эдема

Посвящается Рае

Пролог

Мне стоило немалого труда восстановить эти заметки, созданные в давно забытом редакторе «Word». Но я надеялся, что они помогут мне найти ответ на некоторые вопросы. Если перефразировать название знаменитой картины Гогена, то они будут звучать так:

«Откуда я? Кто я? Куда я иду?».

И я бы ещё добавил: «Свободен ли я?».

Конечно, это старые вопросы, и над ними ломали головы многие философы, художники и писатели. Неожиданно эти проблемы стали важными и для меня...

Вот наконец загрузилась операционная система. Это «Windows 7 Starter Edition» – дешёвая версия, которую выпускали для бедных стран. Она была установлена на моём купленном из вторых рук ноутбуке, и я снова увидел, только теперь на новом дисплее, Красную площадь на фоне фиолетового неба, пятиконечную звезду с надписью «Приступая к работе», и значок мусорной корзины на здании ГУМа.

Я оцепенел...

Я забыл об этой заставке, а ведь иногда посещаю Красную площадь, только выглядит она теперь по-другому. Хотя цвет неба угадан верно – даже днём солнце не рассеивает фиолетового сумрака. Но храм Василия Блаженного лишён подсветки, в тёмных зданиях нет ни одного огня, а кремлёвские звёзды не красны, а черны...

Возможно, поэтому я предпочитаю бывать здесь зимой, когда лежит снег. Он не поглощает солнечный свет целиком, как асфальт и брусчатка.

И тогда голубые сугробы покрывают площадь, розовый свет окрашивает стены Кремля, серо и призрачно выступают стены ГУМа, чуть зеленеют маковки Василия Блаженного...

Обычно я медлю возле Лобного места, откуда хорошо видны антрацитовые уступы Мавзолея. Два чёрных пса, мои обычные спутники, предпочитают ждать именно там, пока я оглядываюсь и размышляю. Не знаю, чем привлекает их это место, но они всегда садятся по обе стороны двери, где когда-то стоял почётный караул. Появись на площади туристы, они упали бы в обморок при виде громадных тварей – даже сидя, они выше меня ростом.

То ли это телохранители, то ли тюремный конвой. До сих пор не знаю...

Но туристы не появятся, город пуст. Разве что другие призраки, подобные мне, – возможно, именно на этот случай меня сопровождают псы.

Поверх кремлёвской стены желтеют стены здания – бывшая резиденция Президента. Когда-то я там побывал...

Впрочем, я редко размышляю о прошлом, хватает забот о будущем. Ведь город пуст, но не мёртв. Когда-нибудь снега растают. Когда-нибудь солнце засветит ярче. Когда-нибудь...

Но я не имею права выдавать эту тайну.

Всё, что могу сказать – когда-нибудь снова начнётся бой...

А пока я ухожу. Скольжу над сугробами, не касаясь ногами. Не такое уж хитрое искусство, оказывается. Огромными прыжками следуют чёрные псы. Эти оставляют ямы следов, но до следующего раза всё заметут метели.

Много снега должно накопиться, чтобы весной потекли реки живой воды, и расцвёл Сад...

1. Столица мира

В лицо тянуло холодом, и я долго не мог открыть глаз, а когда поднял тяжёлые веки, то увидел лишь серую пелену. Поморгал, и постепенно в ней проявились тёмные пятна – совсем как на фотобумаге, сунутой в проявитель. Когда-то я забавлялся старым фотоаппаратом отца, снимая на чёрно-белую плёнку и сам печатая снимки.

Наконец изображение стало отчётливым, словно бумага окончательно проявилась, и я увидел горы. Вечерело – на дне тёмных долин клубились облака, протягивая белёсые пальцы к розовеющим в высоте снегам.

Я долго глядел на горы, не понимая, где нахожусь. Потом попробовал оглянуться, но голову словно пронзил раскалённый гвоздь, а перед глазами всё поплыло. Всё же успел понять, что лежу в полутёмной комнате – лицом к открытому окну, в нём и видны горы.

Открытому?

Несмотря на боль в глазах, я попытался сфокусировать взгляд. Какие-то тени маячили на фоне гор, и вдруг скачком пришли в резкость – окно загораживала решётка из вертикальных прутьев.

Сумрачные долины, розовые горы над ними, решётка в окне...

Кавказский пленник?

Возникло впечатление, что вижу это не в первый раз. Я потряс головой, надеясь что-нибудь вспомнить, но в памяти лишь распахнулся тёмный провал, и огненное озеро боли выплеснулось из него...

Снова серая пелена.

Потом что-то скрипнуло, раздались шаги, и я смутно различил белую полу.

Белый халат? Я в больнице?

Похоже на то: взяли руку, возникло чувство холода, а потом лёгкая боль от укола. Очень медленно перед глазами прояснилось, боль ушла, и я смог повернуть голову.

Вошедший действительно был в белом халате, а лицо типично кавказское – горбоносое, с чёрными усиками...

– Вставай, – безразлично сказал он. – Пошли к доктору.

Уже лучше, а то я испугался, что попал в плен к каким-нибудь чеченцам.

Встать оказалось нелегко: ноги подгибались, а санитар не подал руки. Но я удержался на ногах и сделал шаг к двери. Она оказалась массивной, с глазком наподобие тюремного, и я ощутил холод в животе.

Неужели всё-таки плен?

В коридоре пришлось упереться рукой в стену, чтобы не упасть. Некоторое время я тупо глядел на рукав из желтоватой ткани – похоже, больничная пижама, – но потом головокружение прошло. Я заковылял мимо побелённых стен: штукатурка потрескалась, слева мутные окна, а справа через равные интервалы – двери.

Мимоходом заглянул в окно: внизу двор, на клумбе из жёлтых и лиловых цветов лежит длинная тень от ограды.

Спустились по скрипучим ступеням, и попали в устланный ковром коридор. Перед дверью из тёмного дерева санитар придержал меня. Он не стал стучать, а приставил пальцы к металлической пластине, и спустя несколько секунд дверь отворилась.

Я вяло удивился: дактилоскопический замок в обыкновенной больнице?

Вошли в полутёмный кабинет: шторы задернуты, тускло светит настольная лампа, за письменным столом женщина в белом халате.

– Садись! – равнодушно буркнул санитар, подталкивая меня к кожаному креслу.

Дверь закрылась, и я с облегчением сел, ноги опять подкашивались. Попробовал рассмотреть женщину: лицо припухлое и без следа косметики, только голубые глаза немного оживляли его.

– Как самочувствие? – нейтральным тоном спросила она.

Снова сюрприз: в голосе отчётливо слышался акцент – так наша преподавательница порой выговаривала русские слова, чтобы показать особенности английского произношения.

Англичанка? Или американка?

Я облизнул губы:

– Слабость. И ничего не помню. Как я попал сюда? И где я?

Женщина помедлила с ответом, оглядывая меня. Голубые глаза на миг сделались жёсткими, но тут же обрели прежнюю безмятежность.

– Вы участвовали в научном семинаре, – равнодушно сообщили она. – Во время горной прогулки упали в трещину на леднике. Нарушение мозгового кровообращения и, как следствие, частичная амнезия. Надеюсь, она окажется временной. Инъекции эуфиллина, процедуры и горный воздух творят чудеса.

Снова акцент. Затруднённый подбор слов и слишком правильная грамматика...

В голове стало проясняться, и я кое-что вспомнил. Неожиданное приглашение на международный семинар с громким названием «Перспективы будущего». Семинар проходил в Грузии, оплату расходов брал на себя какой-то фонд, а я был небогатым студентом (свою первую работу опубликовал только в Интернете), и не стал отказываться от дармовой поездки. Но вот что было дальше...

– Если забыли, то меня зовут Сибил. – Женщина слегка повернулась, и в свете лампы замерцали раскинувшиеся по плечам серые волосы. – Я одна из организаторов семинара, по специальности врач и не захотела бросить вас в таком состоянии. Давайте проверим, как обстоит дело с памятью.

Она вытянула руку – пальцы без колец, а ногти не слишком ухожены, – и повернула ко мне монитор компьютера. Зажёгся огонёк веб-камеры, и на экране, словно в магазине, торгующем видеотехникой, появилось моё лицо. Щёки впалые, непричёсанные чёрные волосы падают на лоб, глаза смотрят из-под густых бровей настороженно, над верхней губой лежит тень – давно не брился.

Не слишком бодрый вид.

А Сибил пробежала пальцами по клавиатуре, откинулась, и глаза поплыли в сумраке голубыми льдинками.

Настольная лампа погасла, с экрана монитора брызнул яркий свет. Под аккомпанемент странных музыкальных аккордов я увидел калейдоскоп чистых красок, но в их быстрой смене таился какой-то смысл...

Я не успел разгадать его: багровое солнце стало подниматься над кромкой тёмного льда. Кровавый диск выбрасывал протуберанцы, и в их сложном танце чудился некий ритм...

Я почти уловил его, но тут солнце исчезло, и появился сумрачный зал. Музыка стала вкрадчивой и таинственной. Густо стояли колонны то ли из стекла, то ли из льющегося синего света, и в их расположении тоже чувствовался какой-то порядок...

Казалось, я вот-вот разгадаю его, но вдруг зал изменился... Я снова в кабинете, только он сумрачнее и обширнее, а за столом ни Сибил, ни её кресла. Лишь непроглядная тьма.

– Эй! – неуверенно сказал я. – Что за шутки?

Ни звука в ответ, стылая тишина, словно в подземелье.

А потом сзади раздался кашель. Мороз прошёл по коже, и я быстро обернулся.

В дверном проёме стоял человек. Одежда тонула в темноте, виднелись только белые перчатки и такое же белое лицо.

– Я ваш проводник, – сказал человек. – Идёмте.

Голос глуховат, но прозвучал с повелительной интонацией.

– Какой проводник? – в панике спросил я.

Незнакомец некоторое время молчал:

– Вы каждый раз забываете... – вздохнул он. – Вы ведь хотели увидеть будущее. А я должен был позаботиться о транспорте. Расстояния и здесь велики, пешком далеко не уйдёте.

По спине протёк холодок, и я вдруг вспомнил, что на семинаре проводили какие-то эксперименты по моделированию будущего.

Значит, я в виртуальной реальности? Но тогда мне ничего не угрожает.

Всё же я встал неохотно:

– Идёмте!

Коридоры пусты, в них царит странный сумрак, лампы еле тлеют. Во дворе те же лиловые и жёлтые цветы, но теперь у крыльца стоит чёрная «Волга»...

Я чуть не рассмеялся:

– Неужели нельзя было придумать чего-нибудь посолиднее, вроде «Мерседеса»? В виртуальной реальности это ничего не стоит.

Белая перчатка проплыла во тьме, шофёр открыл передо мной дверцу.

– Вы не в созданном компьютером мире, – ответил он сухо. – Это реальность, хотя другая. А вы тут не особо важная персона, так что не стоит привлекать лишнего внимания.

Я почувствовал холод внутри, словно в желудок медленно опустился ком льда. Что за другая реальность?

Глянул на небо: почему так темно? Солнца не видно – то ли успело сесть, то ли здесь ещё не всходило. В темноте горело всего несколько звёзд, словно красные от бессонницы глаза смотрели на Землю. Я поспешил забраться в машину.

Шофёр повернул ключ зажигания, и мотор завёлся почти бесшумно, как в дорогой иномарке. Тронулись тоже плавно, не раздалось даже шороха гравия под колёсами. Беззвучно распахнулись ворота, тёмные холмы потекли назад. Вскоре мне стало не по себе от молчания.

– Куда мы едем?

Водитель повернул голову и долго смотрел на меня, я даже испугался – не врезались бы во что-нибудь. Наконец отвернулся.

– Откуда мне знать, – сказал тускло. – Я лишь проводник. Проводник по снам. Направление задаёте вы, а я только доставляю на место. И потом забираю. Если человек в состоянии вернуться.

Снова холодная змея проскользнула по пищеводу.

– А что, некоторые не возвращаются?

Шофёр пожал угловатыми плечами, и у меня мелькнула нелепая мысль: какой старомодный костюм!

– Умирают даже в обычном сне. А вы выбрали более опасный – такой, что может легко обратиться в действительность.

– Вы назвали себя проводником, – хрипло сказал я. – Посоветуйте что-нибудь. Я не понимаю, где оказался. Какой-то санаторий, фокусы с компьютером...

– Вы участвовали в семинаре, где рассматривались варианты будущего, – глухо заговорил мой проводник. – Такова была тема вашей курсовой работы, которую вы неосмотрительно поместили в Интернете. Вот и получили приглашение. Один из участников семинара выдвинул гипотезу, что все варианты уже существуют в информационном поле Земли, его

ещё называют ноосферой. А другой продемонстрировал компьютерную программу, которая облегчает выход сознания в это пространство. Раньше было сложно: приходилось прибегать к медитации, наркотикам, сочетать эманации различных веществ. Теперь всё стало проще...

Проводник помолчал, а я сильно ущипнул себя за руку. К своему удивлению, почувствовал боль. Разве астральное тело испытывает её?.. И тут появилась неприятная мысль: а вдруг всё вокруг – только иллюзия? Может, сосед по общаге подсунул ЛСД?

Из такого путешествия можно и не вернуться...

– Правда, оба допустили ошибку, – снова заговорил проводник. – Во-первых, варианты существуют не в информационном поле, а вполне материально – только в многомерном пространстве-времени. Обычно вы видите самый проявленный и единственно реальный для вас, и называете Землёй, хотя правильнее будет Энроф... Во-вторых, компьютерная программа не выводит сознание в астральный план. Она перестраивает восприятие времени. Вы не задумывались, что течение времени в значительной мере иллюзия? Это, скорее, способность наших чувств воспринимать события в определённой последовательности и темпе, о чём догадывался ещё Иммануил Кант. Сейчас вы воспринимаете вариант, отличающийся от вашего временными координатами – ещё не проявленное будущее. Поскольку человеческий рассудок способен воспринимать лишь одно измерение времени, для вас это выглядит, как пребывание в некоем параллельном мире.

М-да, по немецкой классической философии у меня была тройка.

– А Сибил меня видит? – уныло поинтересовался я.

– Для неё вы погружены в транс – сухо ответил проводник. – Напоминаю, сместились по временной шкале лишь точка восприятия, а не ваше физическое тело. Хотя, используя особую ментальную технику, вы можете перейти в иное измерение времени целиком. Немало людей из вашего мира проделывали это, иногда случайно – в этом причина многих необъяснимых исчезновений. Только вернуться будет трудно...

Успокоил. Я вернулся бы прямо сейчас.

– Советую посетить одну из мировых столиц, – так же скучно продолжал шофёр. – Какой город предпочитаете?

Я чувствовал пронизывающий холод, пальцы ног и рук онемели. С трудом выговорил:

– Пусть это будет Москва... – Всё-таки не утратил способности соображать, потому что добавил: – А вдруг я увижу только то, что нарисует моё воображение?

– Нет, – шофёр небрежно повернул руль, и я вдруг стал различать дорогу впереди: тусклая металлическая полоса тонула во мраке. – Вы увидите то, что наиболее вероятно.

– Почему именно я?.. – вырвалось у меня. На ответ не надеялся, но шофёр оказался неожиданно словоохотливым.

– Вы талантливы. Эту программу использовали многие, в том числе и Сибил, однако результаты получались скромные: точка восприятия легко смещалась в иное измерение времени, но разум начинал хаотически блуждать, не в силах справиться с другим темпом ощущений... Занимались йогой, ДЭИР, или чем-то подобным?

Я молчал, потусторонний спутник попался на удивление болтливый. Или ему поговорить не с кем? А никакой йогой я не занимался: родители небогатые, денег на модные игрушки вроде смартфона не было, вот и пытался поразить девчонок памятью на всякие мелочи.

«Андрей, во что я вчера была одета?».

«В синие джинсы, голубую блузку и лазоревый лифчик».

«Хи-хи, а откуда знаешь про лифчик?».

Сама напоказ и выставила – когда нагнулась за ручкой и больно долго её подбирала.

Так что натренировал внимательность, в учёбе это потом здорово пригодилось...

Я вздрогнул, впереди замигал красный глаз. Вскоре мы оказались на развилке: одна металлическая полоса уходила направо, другая налево, а посередине мигал красный шар, хотя никакой опоры для него не было видно.

– Что это? – спросил я.

Шофёр остановил машину, и меня слегка потянуло вперёд.

– Мир здесь более пластичен и легко подстраивается к нашему восприятию, – вяло сказал он. – Это зрительный образ исторической альтернативы. Вы ведь знаете, что будущее многовариантно. Здесь представлены два наиболее вероятных. Классическая бифуркация реальности...

– Какая забота о путниках, – вырвалось у меня. – И что посоветуете?

– Правую дорогу, она шире, поэтому данный вариант наиболее вероятен. Собственно, я по ней уже ездил. Огромный город, большое движение. Но вы будете наблюдать со стороны, так что приготовьтесь побыть призраком.

Про призрака мне не очень понравилось.

– И много вы так трудитесь? – осведомился я.

– Порядочно, – сухо сказал шофёр. – Есть работы и похуже, но распространяться об этом не положено. Так едем?

Снова тёмные холмы поплыли назад, и я постепенно задремал, смутно удивляясь тому, что засыпаю во сне...

– Проснитесь!

Опять красный свет озарил темноту. Я открыл глаза шире и увидел, что край неба светится багровым – и здесь восходило солнце.

Сумрачный пожар охватил полгоризонта, когда мы пересекли по мосту пустынную кольцевую дорогу. Вскоре огромные здания заслонили солнце, и лишь в окнах загорались багровые отсветы. Я почувствовал смутную тревогу: улицы, на которых даже в раннее утро обычно хватало автомобилей, в этот раз были пусты. Лишь иногда попадались явно брошенные машины: у одной открыт капот, другая с помятым боком приткнулась к тротуару. Что здесь произошло?

Я покосился на шофёра: в белых перчатках и с бледным лицом, тот поворачивал руль, объезжая стоящий троллейбус.

Наконец дорогу перегородили сбившиеся в кучу автомобили: чёрный «УАЗ-Патриот» подмял иномарку, другая машина лежала на боку, да ещё троллейбус развернуло поперёк улицы. Пришлось остановиться.

Водитель повернулся ко мне.

– Не понимаю, – тускло сказал он. – В прошлый раз это был оживлённый город. Видимо, произошло смещение вероятностей. Такое случается, хотя редко... Дальше вам придётся идти одному. Посмотрите на газеты в киосках. Не знаю, получится ли взять в руки, но хотя бы прочитайте заголовки. Когда узнаете, что случилось, то воспользуйтесь этим, – шофёр протянул смартфон с большим дисплеем. – Здесь спутниковый телефон и навигатор.

Проводник выжидающе глядел на меня, а я взял смартфон. Сначала он показался странно невесомым, но вдруг налился тяжестью, а на дисплее возникла карта Москвы. Шофёр удовлетворённо кивнул:

– Значит, сможете вызвать меня. Достаточно нажать клавишу звонка.

Выйдя из машины, я огляделся: не горит ни одного фонаря, окна темны, и только серый рассвет разливается по улице. Мне вдруг показалось – это волосы Сибил окутали город пепельным саваном.

Я зябко передёрнул плечами и посмотрел на дисплей. На нём была карта центрального района Москвы, а на одной из улиц красная точка – видимо, моё местоположение. И в этом странном мире вокруг Земли кружат навигационные спутники.

Так, эта улица должна привести к Кремлю...

Сзади зафырчал мотор, и я оглянулся – привёзший меня автомобиль разворачивался, шофёр даже не помахал на прощание.

Я вздохнул и поплёлся в другую сторону. Уже ясно, здесь что-то произошло. Война? Но тогда почему никаких разрушений? И ни следа людей?..

Миновал дом за домом: стеклянные стены чисты, словно только что вымыты, но по-прежнему никого. Я снова почувствовал озноб.

Справа открылся сквер, в сумраке за деревьями забелела колоннада церкви. И тут я вздрогнул: на паперти стояла фигура в тёмном балахоне, с непокрытыми чёрными волосами и чёрной бородкой. Монах?..

Фигура скользнула за колонны и скрылась.

Я подождал, пока успокоится сердце, и пошёл дальше.

А вот и газетный киоск – закрыт, но сквозь стекло можно прочесть заголовки и даже текст на первых страницах.

Ничего особенного: большинство фамилий незнакомы, хотя пару раз попались привычные звёзды эстрады. Президент, к сожалению, не упоминался: интересно, кто у них сейчас? Ах да, надо посмотреть дату выпуска...

Я не успел.

Протяжный скрип раздался за спиной, словно отворилась древняя дверь...

Я поспешно оглянулся – никого.

Снова скрип, а затем снова. Я закрутил головой, и меня прошиб холодный пот. Хищная тень нырнула за чёрный «БМВ», замерший у тротуара.

Вот они, стражи мёртвого города! То ли брошенные хозяевами чёрные псы, то ли волки – уже несколько бегут, мелькая за брошенными машинами.

Я мигом забыл о газетах и тоже пустился бежать, хотя ноги заплетались...

Чёрные тени мелькают справа и слева, каблуки неслышно ударяются об асфальт, холодный воздух обтекает разгорячённое лицо. Проснусь ли, если меня загрызут в этом жутком сне?..

Слева красные стены Кремля, а впереди спуск к Москве-реке. Золотом горит купол Христа Спасителя, в тёмной воде змеится красный огонь – над зданиями восходит солнце.

Куда теперь, броситься в воду?

На подгибающихся ногах я сбежал по ступеням, а псы вдруг замедлили бег и разом сели, обратившись в чёрные статуи. Я тоже остановился, и словно застыло время, только сильно билось сердце, да горели щёки.

На набережной вдруг появилась странная фигура – человек в тёмном одеянии, с ножами на желтоватом поясе. Я даже не заметил, откуда взялся, лишь слегка задрожал воздух. Следом возникла женщина с пышными волосами и в зелёной полупрозрачной одежде. Третьим материализовался некто в синем плаще, со смуглым, будто обожжённым лицом.

Я цеплялся за остатки самообладания. «Это всего лишь призраки, – отчаянно внушал себе. – Призраки, рождённые твоим мозгом, который пытается хоть как-то справиться с неизвестным».

Чтобы не поддаться безумию, я заговорил.

– Кто вы? – голос прозвучал хрипло. – Что случилось с городом?

Я надеялся, что не получу ответа и призраки растают как дым над тёмной водой, но женщина оглядела реку и здания, а потом повернулась ко мне. Когда заговорила, в голосе прозвучало холодное очарование, словно зазвенели ледяные колокольчики, и моё сердце зануло.

– Была война, но воля Владык сохранила город. Будущая столица мира может погибнуть лишь вместе с миром.

– Кто вы? – мой голос дрогнул.

Человек в тёмной одежде опустил руку на ножны, слова прозвучали как свист меча:

– Кто ты, что первым явился в сердце мира? Хочешь участвовать в игре Владык?

– Первые станут последними, а последние первыми, – глумливо заметил третий, в синем плаще.

Я задрожал, увидев его глаза: тигриные, с вертикальным чёрным зрачком.

– Какая игра? – выговорил я с трудом. – Не хочу участвовать ни в какой игре. Я случайно оказался здесь...

– Тогда ты умрёшь, – словно выплюнула фигура в синем. – И не только ты. Оглянись!

Я глянул на реку, но по другую сторону не увидел ничего: водная гладь тонула в сумраке, и даже солнечный свет не рассеивал его. Вдруг голубые линии рассекли воду, превращая в подобие шахматной доски. И фигуры появились на ней – половина красные, как кровь (и каким-то образом я понял, что это мои фигуры), а половина белые.

Вот взвился бледный конь – первый ход...

Доска оказалась рядом, я неуверенно протянул руку к своей королеве. И испытал шок: точёная фигура повернула голову, печально поглядев на меня. У меня потемнело в глазах, я видел только серые глаза, светлые волосы и огненно-рубиновое платье...

Что-то изменилось вокруг. Я оторвал глаза от королевы: три человека (если только это были люди) и город – всё исчезло. Я стоял на шахматной доске и вдруг почувствовал прикосновение – это королева в красном положила руку мне на плечо. Доска поплыла по чёрной реке, и на нас двинулся белёсый строй.

Всё погасло...

Хотя нет, я снова сидел в кабинете, голова страшно болела, а глаза Сибил были холодны, как лёд.

– Что вы видели? – потребовала она.

Как на допросе.

Но я был слишком ошеломлён и только вяло спросил:

– Разве вы не слышали разговоров?

– Нет! – глаза Сибил сверлили голубыми буравчиками. – Это ваш личный опыт.

Я нехотя рассказал о поездке на призрачной «Волге», сумрачном городе и трёх странных фигурах. О шахматной доске и королеве почему-то не смог сказать ни слова.

Глаза Сибил постепенно расширились – голубой свет загорелся в них, а на лице резче выступили скулы.

– Какой-то бред, – уныло закончил я.

– Не обязательно. – Сибил отодвинулась в тень. – Возможно, вы действительно видели проекцию одного из вариантов будущего. Посредством зрения и слуха в мозг внедряется программа, замаскированная под зрительные образы. Программа подавляет контроль разума и высвобождает ту часть психики, которая напрямую связана с информационным полем Земли. Главная трудность в том, чтобы не блуждать без цели, а сконцентрироваться на поиске нужной информации. У индийских йогов на овладение подобным умением уходила вся жизнь. А сейчас нужен только компьютер с частотой процессора не менее трёх гигагерц, соответствующая программа и... умение видеть. У вас последнее качество есть.

Проводник по снам объяснял иначе. Хотя... я решил кое-что проверить.

– И многие уже пользовались этой программой?

В глазах Сибил промелькнула досада.

– Немало, – проронила она. – Я сама несколько раз. Беда в том, что восприятия слишком хаотичны. Программа открывает дверь, но не может сориентировать в непривычном мире.

Нужна редкая внимательность, развитое воображение и... что-то ещё, иначе путешествие превращается в кошмар.

Я поёжился:

– Почти так и было.

– Ну-ну, – довольно улыбнулась Сибил, становясь похожей на домохозяйку: вот-вот начнётся любимый телесериал. – У вас всё неплохо получилось.

Она моргнула:

– Думаю, скоро вы совсем поправитесь. До завтра.

Нажала кнопку, и сзади потянуло холодом – открылась дверь. Санитар молча подождал, пока я встану.

На этот раз прошли через веранду. В полутёмном дворе два охранника с автоматами направлялись к воротам, впереди бежала чёрная собака.

– Хорошо нас охраняют, – обратился я к провожатому.

– На Кавказе беспокойно, сам знаешь, – равнодушно ответил тот.

Поднялись по лестнице, и я узнал дверь своей палаты. На пороге замялся, не хотелось входить. Вдруг ярко вспомнил, как всю прошлую ночь падал в чёрную бездну.

Санитар открыл дверь.

– Заходи. Укол придут сделать позднее.

Дверь защёлкнулась, с этой стороны ручки не было. Мне снова пришло в голову, что палата смахивает на тюремную камеру. Забыл спросить у Сибил, почему такая обстановка. Я огляделся, и сходство с камерой стало ещё заметнее: забранное решёткой окно, узкая кровать, тумбочка, стул. Я приоткрыл дверь в боковой стене – там туалет с водопроводной раковиной и унитазом. Над кроватью пощёлкивают часы.

Я сел на кровать.

Итак, кое-что мне удалось вспомнить. Я изучал футурологию в университете, на четвёртом курсе разместил в Интернете курсовую работу о возможных вариантах развития современной цивилизации, потом меня пригласили на семинар...

Голова заболела – передо мной снова приоткрылась бездна, куда падал всю прошлую ночь, и где плавали как пряди тумана обрывки воспоминаний.

Я стиснул ладонями виски. Пришла жуткая мысль: а вдруг такое повторяется каждую ночь? Возможно, я не раз забывал всё, что сумел вспомнить за день? Что за укол, о котором говорил санитар? Может, не эуфиллин, а что-то другое?..

Вдруг меня похитили? Но кто, Сибил? Смешно подумать, похожа на домохозяйку. И зачем? У меня ни денег, ни богатых родственников, с которых можно потребовать выкуп...

Я встал, чтобы ещё раз осмотреть окно. Рама открывалась внутрь, холодный воздух тронул лицо, пахло сырым железом. Прутья решётки вделаны в бетон, вряд ли выковыряешь. Где-то я читал, как герой расшатал решётку ножкой от кровати, но моя сделана из дерева и для этого не годится. Снова заглянул в туалет – там окна нет вообще. Подошёл к двери – ручки тоже нет, и открывается внутрь, так что не выбьешь.

На то, чтобы выбраться, моих способностей явно не хватит. Или...

Я снова сел на кровать. Стиснул голову руками: придумай же что-нибудь!

Сначала пришло воспоминание: красный фонарь над сумеречной развилкой, белые перчатки шофёра на руле.

А потом появилась идея...

Способ странный, но чем я рискую?.. Только есть одно «но». Если догадка верна и мне колют какой-то препарат, стирающий память, как я завтра вспомню то, что сейчас пришло в голову?

Нет, надо запомнить. Надо запомнить. Надо запомнить...

Я ещё повторял про себя эти слова, когда снова открылась дверь. Санитар грубо закатал рукав пижамы.

– Эуфиллин, – в голосе прозвучало злорадство.

Я снова падал в тёмную бездну, но на этот раз меня догоняли, отдаваясь эхом от невидимых стен, чьи-то слова:

«Помни проводника по снам... помни проводника по снам... помни...».

2. Безенгийская стена

К вечеру подножия гор заволокло облаками – они клубились в тёмных долинах, тянули белёсые пальцы к розовеющим в высоте снегам...

Я сидел на дощатой веранде, прихлёбывал кислый айран и пытался понять: как здесь оказался? А заодно вспомнить, кто я такой? Хороший набор вопросов. Но туман окутывал память плотнее, чем горные долины...

Я огляделся: по веранде расставлены столы, покрытые клеёнкой, за ними несколько мужчин. Каждый за своим столом, все в желтоватых пижамах, как и у меня. Все молчат: кто пьёт айран, кто откинулся на спинку плетёного стула и смотрит на розовые вершины. Лица вялые и безучастные, неужели такое и у меня?..

Наверное, это больные.

За перилами двор: жёлтые и лиловые цветы на клумбах, высокая ограда, за ней поросший соснами холм. По склону вьётся дорога, подходя к железным воротам. Они заперты, рядом будка, и сквозь окошко видно, что там кто-то есть.

Санаторий? Психбольница?..

По этой дороге меня должны были привезти, но я ничего не помню. Неужели какая-то болезнь привела к потере памяти?.. Хотя умственные способности, кажется, не пострадали: быстро понял, где нахожусь.

Что на Кавказе – понял сразу, санитары на вопросы отвечали уклончиво, но с неистребимым кавказским акцентом. Поначалу удивило, что солнце стоит не над снежными вершинами и ледниками, а плавится в синеве с другой стороны небосвода. Потом сообразил, что нахожусь к югу от Кавказского хребта и судя по высоте гор – уж не Безенгийская ли это стена? – скорее всего в Грузии. Но как я попал сюда?..

Не поговорить ли с соседом? Хотя пока расспросы ни к чему не привели, получал односложные ответы, как от санитаров: «Лечусь... Не помню... Отвали...».

Всё же я открыл рот, но спросить ничего не успел.

Подошёл санитар – крупный черноволосый мужчина в белом халате – и с акцентом сказал:

– Пошли. Тебя доктор спрашивает.

Я уныло подумал, что мог участвовать в горном походе по Кавказу, произошёл несчастный случай, и товарищи оставили в больнице.

Встал и пошёл за санитаром.

Коридор, холл, опять коридор, звук шагов тонет в ковре. Остановились перед массивной дверью, санитар приставил пальцы к вмонтированной пластине, и спустя несколько секунд дверь открылась.

Дактилоскопический замок, вяло отметил я. И слегка удивился, но не замку, а скорее тому, что не испытываю особого удивления, хотя зачем дактилоскопический замок в обыкновенной больнице?..

За столом сидела женщина в белом халате, в свете лампы красиво мерцали серые волосы. Оглядев меня, кивнула провожатому:

– Можешь идти.

Снова акцент, хотя уже не кавказский.

Дверь закрылась, и докторша указала на кресло.

– Садитесь.

Я сел, пытаюсь разглядеть глаза собеседницы: словно голубые льдинки плавали в сумраке.

– Как себя чувствуете? – Скучный голос, ни тени доброжелательства.

Будто стук послышался вдалеке. Я моргнул.

– Вроде неплохо. А что со мной? Я ничего не помню.

Женщина-врач внимательно оглядела меня, потом повернула голову к компьютерному дисплею. Лицо слегка осветилось: немного припухлое, без всякой косметики.

– Вы упали в ледниковую трещину, – равнодушно сообщила она. – Удар головой, нарушение мозгового кровообращения и, как следствие, частичная амнезия. Надеюсь, потеря памяти окажется временной...

Снова стук, но теперь отчётливее – словно кто-то постучал молотком посередине комнаты. Странно, докторша как будто ничего не услышала. Развернула ко мне монитор:

– Давайте проверим, как обстоит дело с памятью...

Ритмичные удары раздались прямо в ухо:

«Помни... проводника... по снам!».

Что они значат?..

Странная музыка... калейдоскоп чистейших красок... багровое солнце, встающее над кромкой тёмного льда... зал с колоннами из льющегося синего света...

И вот я снова в кабинете Сибил, только он обширнее и сумрачнее, а за столом непроявленная тьма.

Но теперь я вспомнил, что хотел спросить, и у кого!

Я медленно обернулся.

В открытой двери стоит человек, во тьме виднеются только белые перчатки и такое же белое лицо.

– Здравствуйте! – сказал я. – Могу я задать вам несколько вопросов?

– Слово «здравствуйте» здесь уже не подходит, – глухо отозвался гость. – Но вопросы задавать можно. Это мой долг – отвечать и показывать.

– Где я и что со мной?

– Вы в бывшем санатории, который обращён в лабораторию и частную тюрьму. Вас доставили сюда после семинара, где изучали варианты будущего.

– Кто доставил? – В голове начала пульсировать боль, я попытался сфокусировать глаза на белом лице, но не мог.

– Я не вправе отвечать на вопросы о других людях.

– Тогда подскажите, как выбраться отсюда, – сердито сказал я. Видно зря надеялся, что в этом сумрачном мире – я вспомнил его! – могу получить ответы на все вопросы.

– Пожалуйста, – темнота в двери всколыхнулась. – Следуйте за мной.

Снова полутёмные коридоры (я уже видел их!) и едва тлеющие лампы. Как-то неожиданно мы оказались в моей комнате, а точнее тюремной камере.

– Смотрите, – бесстрастно сказал проводник.

Я чуть не ахнул, стены внезапно сделались прозрачными, а точнее полупрозрачными – как зеленоватое стекло. Слева в другой камере кто-то лежал на койке, а справа помещение было пусто и за ним, как сквозь зелёные занавеси, виднелся верх каменной стены и качающиеся верхушки сосен.

– Здорово, – хрипло сказал я. – Как вы это сделали?

– Я ничего не делал, – слегка пожал плечами проводник. – Этот мир подчиняется силе мысли.

Ну и ну...

– Всё равно не вижу, как выбраться отсюда. Пусть наружная стена близко, но как попасть в коридор? И там, наверное, охрана.

Действительно, в конце коридора виднелась неясная человеческая фигура.

– Смотрите внимательнее, – в голосе проводника послышалось нетерпение.

Вот оно: в зелёной занавеси, что отделяет комнату справа, просвечивает прямоугольник. Видимо, обе комнаты соединяла дверь, а потом её забили досками и оклеили обоями. Будем надеяться, забили не слишком крепко.

– А как?.. – я обернулся к проводнику.

И замер, никого не было. А затем сумрак просветлел, и я снова оказался в кабинете Сибил.

– Что вы видели? – потребовала она. – На этот раз сеанс был очень короткий.

Голова раскалывалась от боли, я поднял руки и помассировал виски ледяными пальцами.

– Ничего, – вяло соврал я. – Какие-то световые эффекты, а потом страшно разболелась голова.

Сибил долго в упор смотрела на меня, так что мне сделалось неудобно.

– Ладно, – в её голосе прозвучала досада. – Может быть, другой раз окажется результативнее.

Она даже не пыталась хитрить, никаких разговоров про амнезию! Видимо, была уверена, что за ночь я всё забыл.

Тот же молчаливый санитар проводил меня обратно в комнату.

Я надеялся, что из-за краткости визита к «доктору» у меня останется больше времени до укола. Сразу направился к водопроводному крану, открутил изогнутую трубку, из которой вытекает вода, и стал осматривать стену. Металлическим предметом легче колупать её, чем голыми пальцами.

Скоро нашёл слегка выпуклый шов и принялся за работу. Только бы никто не посмотрел в глазок! Но кавказцы казались не особо рьяными надзирателями.

Обои отдирались легко, а кускам штукатурки я не давал упасть на пол и складывал в стороне. Довольно скоро оголил доски, и тут пришлось попотеть: железной трубкой никак не мог отковырнуть первую из них. К счастью, вторая оказалась прибита всего одним гвоздём. Работали здесь спустя рукава.

Наконец я пролез в соседнюю комнату, тут пахло пылью. В окне уже стемнело, но его не загораживала решётка, и я осторожно выглянул.

Я находился на третьем, верхнем этаже. Ограда здесь подходила к самой стене здания и казалась легко доступной – метра два по карнизу (здание было старой постройки, с карнизами и лепниной). Лишь бы никто не посмотрел вверх. Безопаснее было подождать полной темноты, но я не хотел рисковать: в мою камеру могли зайти для укола.

Я открыл раму, петли завизжали, и я снова взмок от пота. Но никто не стал ломиться в дверь, я ещё раз оглядел двор и взобрался на подоконник. Потом, стараясь не глядеть вниз, вылез на карниз.

Оказалось даже удобнее, чем ожидал: руками можно было придерживать за водосточный жёлоб вдоль крыши, а вниз я по-прежнему не смотрел. Только сразу повеяло холодом, и мокрая от пота майка прилипла к спине.

Я довольно быстро добрался до верха стены, но там оказалась колючая проволока. Пока перебирался, разорвал штанину и оцарапал до крови ногу. Наконец повис на руках по ту сторону стены, глянул вниз на кусты, где уже сгустился сумрак и разжал пальцы.

До сих пор я гордился собой: сумел воспользоваться помощью таинственного проводника, разобрал перегородку, выбрался из комнаты и вот-вот окажусь на свободе. Прямо агент национальной безопасности. Но на этом моё везение кончилось...

Наверное, пресловутый агент приземлился бы беззвучно, а рядом оказалась бы какая-нибудь блондинка на иномарке. Я же вломился в кусты с громким треском, на миг меня задержала зацепившаяся пижама, а потом почувствовал боль от удара пятками и крепко приложился боком о какую-то корягу.

После такого шума можно было лежать спокойно и отдыхать. За стеной взывала сирена, залаяли собаки. Но я как дурак вскочил и, прихрамывая, пустился бежать по скользкой от хвои земле.

Очень скоро сбоку метнулось что-то чёрное, сбило с ног и жарко задышало в лицо разинутой пастью. Я представил, как сейчас овчарка вцепится мне в горло, и постарался лежать тихо. Где-то слышал, что лежащих собаки не трогают.

Или действительно так, или собачка решила растянуть удовольствие, но в горло не вцепилась, а оглушительно залаяла, обрызгав мне лицо горячей слюной. В ответ послышался скрежет бегущих по гравию ног, непонятные, но явно недоброжелательные возгласы, а затем кто-то саданул в больной бок.

Хотя сильно меня не били: рёбра, похоже, остались целы. Только когда вздёрнули на ноги, я получил такую плюху, что перед глазами заплясали искры, а рот наполнился солёным. Затем меня отволокли обратно, но не в родную камеру, а на второй этаж. Бросили как мешок на пол и оставили размышлять, что агента национальной безопасности из меня не получилось.

Через некоторое время я попытался встать и с удивлением обнаружил, что ноги держат, а кости как будто целы. В этой комнате тоже был умывальник с зеркалом, так что я подковылял и стал обмывать лицо, временами шипя от боли.

Тут в двери щёлкнуло, и я повернул голову: неужели пришли добавить? Или уже с уколом?

Дальнейшее помню обрывочно, словно слайд-шоу на экране монитора. Теперь-то понимаю, почему...

Вошедший мне незнаком, и на нём не белый халат, а чёрный подрясник. Моё сердце делает перебой, сразу вспоминаю фигуру на паперти в безлюдной Москве. Вдоль лица старомодные бакенбарды, переходящие в бородку клином, а тёмные волосы спадают на плечи. Глаза под ровными густыми бровями отсвечивают зелёным, как у кошки.

Посетитель кладёт на тумбочку какой-то предмет и внимательно смотрит на меня.

На всякий случай я решаю быть вежливым и говорю шепеляво:

– Добрый вечер.

– Здравствуйте, Андрей, – отзывается гость. В голосе нет кавказского акцента, который звучал у других санитаров, но что-то в нём кажется странным.

– Вы с уколом? – я испытываю неприятное чувство от близости чёрной пропасти.

Но посетитель медленно качает головой и говорит довольно фамильярно:

– Тебе и так досталось. Ложись, я тебя осматрю.

Я плетусь к кровати, на ходу стягивая разорванную пижаму. Обижаться на «тыканье» нет сил.

– Вы из монастыря? Служите при этом... санатории?

Монах снова качает головой:

– Разве проводник не сказал? Это не санаторий. А я... в некотором роде действительно из монастыря. Про Новый Афон слышал?

– Он вроде не действующий, – я со стоном забираюсь на кровать.

– Неужели?... – в голосе гостя слышится удивление. – Хотя в последние годы мне пришлось странствовать, так что новостей не слыхал.

Он проходится жёсткими пальцами по бокам и спине. Я снова шиплю от боли.

– Тебе повезло. Рёбра целы и внутри как будто ничего не отбили. Впрочем, им не было резона тебя калечить.

– Кому «им»? – бормочу я. – А вы кто, врач?

Я испытываю странное чувство щекотания по всему телу, и боль уходит, сменяясь чувством облегчения и покоя.

– Мир имеет нужду во враче, – туманно отзывается монах, – вот и пришлось им стать...
А тебе нельзя спать. Бодрствуй.

– Почему? – вяло спрашиваю я. Неудержимо накатывает сон.

– Проводник сказал, что вряд ли выберешься сам. А ты ходил по странным дорогам и видел то, чего ещё не видел никто. Другие не должны узнать, что скрывается за завесой, поэтому оставлять тебя здесь нельзя.

– Я уже пробовал выбраться, – сердито отвечаю я. – Так наkostenяли...

– Тише, – говорит гость и почему-то глядит на часы, висящие над кроватью.

Я тоже смотрю на стрелки: девять. В прошлый раз мне сделали укол примерно в это время и ушли, оставив падать в тошнотворную темноту...

Часы издают «тик», а потом ещё раз. Странно, между звуками как будто проходит много времени.

Я жду нового щелчка, но монах трогает за плечо.

– Пора. Надевай пижаму и идём!

Наконец-то я понимаю, что странно в его голосе – словно посвист ветра слышится в нём. Удивлённо спрашиваю:

– Куда? Опять к доктору?

– Нет, – говорит монах. – Разве тебе не сказали, что держат в плену? Хотя да, ведь кололи этот препарат...

– Кто держит в плену? – бормочу я. – Чечены?

– Нет, другие. – Голос звучит глухо в полной тишине. – Может быть, вспомнишь кое-что по дороге. А сейчас нам пора.

– Почему я должен верить вам? Как вас зовут? – я безуспешно оглядываюсь в поисках пижамы и при этом чувствую странное оцепенение: мысли еле ползут, а глаза никак не фокусируются...

Монах сильно дёргает меня за руки – и я оказываюсь сидящим на кровати, с пижамой на плечах.

– Меня зовут Симон, – словно ледяной ветер свистит в ушах. – Считай, что меня попросили освободить тебя. В бумажнике твои документы, я кладу его в карман пижамы.

«А как же другие в этом санатории?» – хочу спросить я, но язык не повинуется, а руки едва попадают в рукава пижамы. Я теряю способность размышлять, даже сердце бьётся редко и глухо. Едва могу встать и последовать за своим проводником, двигаться почему-то очень трудно. Симон уже у двери...

Залитый электрическим светом коридор кажется пуст. Но только кажется. Когда подходим к выходу в холл, я вижу охранника в камуфляже. Сидя за столом, тот равнодушно смотрит в нашу сторону. Глаза широко открыты, однако нас двоих словно не замечают.

– Он... спит, – свистящим шёпотом произносит Симон. – Пошли быстрее.

Косясь на охранника, я обхожу стол. Нарастает странное ощущение: что-то вокруг не так... Мы минуем выход на веранду и спускаемся по лестнице в другой коридор.

Здесь охранников двое. Сидят возле двери – наверное, выхода наружу – и глядят прямо на нас. Я прячусь за угол: вдруг сейчас начнётся стрельба?

– Не останавливайся, – холодно звучит голос.

Я боязливо выглядываю: Симон идёт прямо на охранников, а те внимательно смотрят на него, но почему-то не двигаются...

С трудом переставляя ватные ноги и не отрывая глаз от стражей, я иду к двери. Охранники не кажутся сонными: взгляд цепкий и пристальный – но неподвижный... Симон ждёт, держа ладонь на пластинке замка. Что-то неуловимо меняется, тянет ночной свежестью, и мы оказываемся на крыльце.

Я чувствую себя всё более странно, будто всё-таки сделали укол: перед глазами плывёт, и меня словно втягивает в тёмный водоворот...

– Быстрее! – шипит Симон.

Чёрная яма двора, острый запах прелой листвы, потом сырого железа – мы у ворот... Только запахи ещё поддерживают моё сознание на плаву.

Я не слышу скрипа ворот (и вдруг осознаю, что не слышал ни звука, кроме голоса Симона, с тех пор как покинул палату), но ограда вдруг оказывается за спиной, а впереди тёмными великанами маячат сосны. Ещё несколько шагов, и почва под ногами плывёт, мир несколько раз поворачивается вокруг, а потом исчезает...

Когда я очнулся, то почувствовал влажный щебень под щекой и услышал монотонный шум ветра в соснах. Сразу вспомнил – почему-то раньше его не было слышно. Кто-то тряс за плечо.

– Пришёл в себя?

Я с трудом встал на колени, а потом на ноги. Меня качало, всё тело болело, а голову словно набили ватой – ничего не мог сообразить.

– Что со мной? – дрожащим голосом спросил я.

– Мы вышли из санатория, – голос спутника сливался с шумом ветра. – Моё имя Симон. Потерпи, скоро темпоральный шок пройдёт.

– Какой шок? – переспросил я. Чувствовал себя настолько беспомощным, что едва не заплакал.

– Неважно. – Свежий воздух постепенно вымывал дурноту из моего сознания. – Без специальной подготовки это трудно перенести.

Тело ещё была дрожь, но в голове постепенно прояснилось. Я вспомнил доктора, свою палату, появление странного монаха... Что было до этого, окутывал туман забвения.

– Но как мы выбрались? Там же полно охранников.

– Ты пока не поймёшь, – равнодушно сообщил Симон. – Но мы ещё не выбрались. Этот «санаторий» находится в Грузии, а тебе надо в Россию. Через Грузию опасно, из гор ведёт всего одна дорога и её легко перекрыть. Прodelать такой трюк во второй раз не могу – смертельно опасно для тебя... Ходил по горам?

– Немного, – пробормотал я. – Был в походе по Приэльбрусью, поднимались до «Приюта одиннадцати»...

Вихрь мыслей закружился в голове. Зачем меня держали в этом странном санатории. Кто на самом деле Симон? Сотрудник российской спецслужбы? Но что за фантастический способ он использовал, чтобы вывести меня на глазах у охраны?

– Тогда идём. – Лицо Симона едва белело в темноте. – До рассвета надо пройти километров двадцать. Утром тебя хватятся и тропы перекроют, но мы уже будем на подступах к перевалу. А сейчас надо найти место, где я спрятал снаряжение, там переобуешься. В больничных тапках далеко не уйдёшь...

В тапочках действительно было неудобно, так как мы сразу свернули с дороги и стали карабкаться по скалам вверх. К счастью, вскоре разлился бледный свет, из-за холма вышла полная луна, и я даже приостановился, залюбовавшись призрачно-белой стеной гор.

– Идём! – резко поторопил Симон.

Камни были скользкими от опавшей хвои, сосны шумели вокруг. Вскоре мы достигли гребня холма, и начался спуск. Впереди снова забелела дорога – мы срезали её зигзаг. У большого валуна Симон остановился и вытащил из щели рюкзак.

– Обувайся, – бросил мне горные ботинки. – Куртку надень прямо на пижаму, а то наверху будет холодно. Захватил тебе джинсы и рубашку, но переоденешься потом, сейчас нет времени.

Сам так и остался в подряснике и бесформенных гамашах, лишь накинул рюкзак и, достав из щели два ледоруба, подал один мне.

– Пошли!

Ботинки оказались впору, что меня слегка озадачило: неужели таинственный спутник справлялся о моих размерах? Но вскоре стало не до вопросов, начался почти бег по залистой лунным молоком дороге. Далеко внизу показалось селение с чёрными пальцами башен, потом пропало за отрогом, и мы пошли вверх по грунтовой дороге. Я догадался, что переваливаем через отрог главного Кавказского хребта, тот льдисто мерцал слева.

Наконец дорога вышла на сереющий в лунном свете горный луг. Две собаки с лаем кинулись от темневшей невдалеке кошары, и меня пробрала холодная дрожь: недавно такая скалила клыки у моего горла. Но, подбежав ближе, собаки вдруг умолкли, нерешительно завили хвостами и подались обратно – странное поведение для злобных пастушьих овчарок.

Я глянул на Симона – что так озадачило собак? – однако тот не обратил на них внимания, только ускорил шаг по неровной дороге. Ледяной ветер задувал с белеющих ледников, но я всё равно взмок, такой темп задал спутник. Может, у них в монастыре устраивали состязания по спортивной ходьбе?

Наконец я прохрипел:

– Давай отдохнём... Не могу больше.

Симон с сожалением оглянулся и сел на придорожный камень. Я последовал примеру, но быстро перебрался на кочку: холодные камни годились разве что для монашеского зада.

– Надо спешить, – равнодушно сказал Симон. – Они могут послать вертолёт.

– Кто это «они»? – разозлился я. – Террористы? Заговорщики? Бандиты? – Хотя на последних не похоже. Вряд ли бандиты станут интересоваться вариантами будущего.

– Они просто заблудшие люди, – так же равнодушно ответил Симон. – Аки овцы без пастыря. А если пастыря нет, то овец начинает пасти кто-то другой.

– Вы бы и пасли. – Я почувствовал себя немного лучше, дыхание восстанавливалось.

– Мой духовный отец так и говорил, – с грустью сказал Симон. – Но у меня не достало терпения, ушёл странствовать.

– И долго путешествовали? – вяло спросил я. Подумаешь, со странствующим монахом встретился.

– Порядочно, – вздохнул собеседник. – Куда дольше, чем собирался.

Дальше я расспросить не успел, Симон решительно встал.

– Пошли!

Теперь дорога спускалась, петляя по скату холма, а впереди вырисовались смутные обрывы другого хребта. Сзади встал тёмный бугор, заслонив луну. Я начал спотыкаться, но вскоре заметил, что под ногами спутника словно скользит слабый свет и, если идти вплотную, то дорога кое-как видна.

Какой-то светящийся состав на рантах ботинок?

Так мы и шли – углубляясь в тёмное ущелье, навстречу нарастающему шуму реки. Я не заметил, как оставили дорогу, и пошли по каменистой морене. Стали попадаться озёра серебристого света – это лунный свет падал на тропу сквозь провалы в изрезанном гребне. Опять начался подъём, а справа запрыгали белые гребни – мы вышли к реке.

Я очень устал. С трудом переставлял ноги по камням, всё тяжелее опирался на ледоруб, а Симон горным козлом прыгал впереди – чёрное пятно на фоне чего-то тёмного и высокого.

Это тёмное медленно приближалось, и внезапно превратилось в сложенную из камней башню. Симон остановился.

– Здесь передохнём, – словно издалека сказал он. – Ты слишком устал, а впереди ещё долгий подъём.

Мы вскарабкались по грубым каменным ступеням в небольшую комнату, где пахло старой золой. Вытащив из рюкзака пенопластовый коврик, Симон расстелил его на полу. Я почти упал на него и сразу погрузился в забытье.

Проснулся от острого желания справить малую нужду.

Слабый свет серебрился на каменных плитах пола, край узкого как бойница окна сиял белизной. Монах посапывал рядом, задрав чёрную бородку к невидимому потолку. Я встал и, придерживаясь за неровную стену, стал спускаться.

Входной двери у башни не было, и всё вокруг казалось заброшенным. Наверное, здесь давно никто не жил, и забредали только редкие туристы. Всё-таки я немного отошёл, прежде чем расстегнуть пижамные штаны.

И замер, забыв сделать своё дело.

Поодаль виднелась грубая загородка из камней, наверное, для скота. Местами она была разрушена, и внутрь по траве затекал серебристый свет. В одном из проёмов стоял камень чернее и выше других. Что-то странное было в его форме: верх – словно лобастая голова, а выступающие треугольники – будто уши...

Камень шевельнулся, и блеснули два зелёных изумруда – глаза!..

Я опомнился уже в комнате, когда тряс Симона за плечо.

– Там... – еле выговорил я. – Там огромный пёс.

Монах сел, глянул на меня, а потом одним прыжком оказался у окна. Долго смотрел, и лицо было очень бледным в свете луны.

И осталось совершенно спокойным.

– Ты уже видел таких, – чуть погодя сказал он. – Со мной тебе нечего бояться. Скоро утро, пора собираться в путь. Поешь.

Он нарезал на полиэтиленовый пакет куски белого сыра – тот был упругим и приятно солоноватым. Запивали из фляги Симона – к моему удивлению, там оказалась не вода, а терпкое красное вино.

– Из новоафонских виноградников, – вздохнул в ответ на мой невысказанный вопрос Симон. – Тебе надо побывать там, Андрей. Конечно, в гостинице лишь монастырский комфорт: жёсткие постели и несколько кроватей в комнате. Зато, как красиво вокруг! Дорога к Афонской горе идёт в тени кипарисов, над тёмно-зелёным лесом голубеют маковки монастырских церквей. Возле ворот дорога вымощена разноцветной плиткой, а весь двор устлан камнем, словно ковром. Стены собора святого Пантелеймона украшены изумительными фресками голубых и золотистых тонов. Выше светятся белизной стены Нагорного монастыря, к нему ведёт портик, украшенный прекрасными изображениями святых. Дальше виден холм, засаженный масличными деревьями, и ещё один храм – апостола Симона Кананита. По преданию, на этом месте погребён сам апостол, один из учеников Иисуса Христа. Неподальёку изумительной красоты водопад, струи воды выются как кудри девушки, он устроен искусственно и служит для получения электрической энергии. Весь монастырь освещается ею после захода солнца – белые здания посреди тёмной южной ночи...

Лицо Симона слабо светилось, а мечтательный голос звучал всё тише и наконец умолк.

Я слушал с удивлением: неужели столь райские уголки сохранились в разрушенной войной Абхазии?

Симон убрал остатки сыра в рюкзак.

– Пора! – голос снова звучал по-деловому. – Переоденься, но пижаму здесь не оставляй, спрячь в рюкзак.

Когда мы вышли из древней башни, я боязливо поглядел в сторону загородки, однако проём между камней на этот раз был пуст. Симон сделал мне знак подождать и зашагал в ту сторону по росистой траве. Наклонился и как будто что-то поднял. Косясь на него и не отходя от башни, я справил малую нужду, а когда Симон махнул мне рукой, поторопился следом.

Симон зашагал прочь от башни по едва намеченной тропке. Луна светила уже тускло, туман поднимался снизу, монотонно шумела река. Вскоре тропа круто пошла вверх, и у меня опять заболели икры, а дыхание стало с шумом вырываться из груди. Хотя я взмок от пота, но чувствовал, как становится всё холоднее.

Наконец выбитая меж камней тропка стала положе, мы снова оказались на морене, в волнах тумана впереди что-то засветлело. Я сделал ещё несколько шагов и остановился. Ледяная стена перегораживала ущелье, а снизу из чёрной расселины вырывался бурный поток. Я понял, что мы подошли к языку ледника.

Симон деловито протянул мне альпинистские кошки, дальше предстояло карабкаться по льду.

Грязный лёд подтаял, по нему стекали ручейки. Днём они, наверное, превращались в бурные потоки. Ледяной склон был не особенно крут, и зубья кошек легко входили в ноздреватую поверхность, но подъём на высоту в несколько десятков этажей оставил меня совсем без сил.

Как в тумане я увидел наконец обширную белёсую поверхность. Симон уже пересекал её, но у тёмной трещины остановился, поджидая меня.

– Мы почти пришли, – сказал он. Дыхание его было совершенно ровным.

Ещё несколько десятков метров, и впереди показался каменистый склон. Я взобрался на четвереньках, волоча ледоруб, и упал лицом в откуда-то взявшуюся густую траву.

Очнулся от тепла на спине и сразу почувствовал боль во всём теле, словно меня во второй раз избили. Перед глазами покачивались крупные жёлтые цветы, которые почему-то не пахли. Я со стоном перевернулся на бок и увидел, что солнце стоит высоко в небе, а я лежу на заросшей травой и альпийскими цветами террасе над грязно-белой поверхностью ледника.

На фоне живописной картины появились грязные гамаши, так что я нехотя перевёл взгляд выше.

Симон изучающее рассматривал меня, и вид у него был недокормленный, но весьма решительный: смуглое лицо (от горного солнца?), чёрные усы и борода, ввалившиеся глаза. А я-то думал, что все монахи толстые.

– Надо идти? – вяло поинтересовался я.

– Пока нет. – Симон присел на корточки и указал пальцем на соседний хребет. На нём блестели ледяные полосы, а выше будто ползла чёрная муха.

– Вертолёт, – пояснил Симон. – Ищут, куда высадить засаду.

Я испугался:

– А вдруг полетит в нашу сторону?

– Возможно, – так же равнодушно сказал Симон.

Вертолёт покружил и скрылся за гребнем.

– А теперь быстрее! – прошипел Симон, вздёргивая меня на ноги. – Надо переждать, пока не улетит к другим перевалам. Ледник замаскирует тепловой след, но у них есть фотоэлектронные датчики движения. И, конечно, бинокли.

Я вяло удивился эрудиции монаха – с чего это он изучал технику для слежения? – но встал и поплёлся за Симоном.

Под скалами проходила еле заметная тропка, и лежали большие валуны, под бок одного мы и забрались. Что-то меня беспокоило...

– А почему тропа мало хожена? – наконец сообразил я. – По ней ведь много туристских групп должно проходить к перевалу.

Симон глянул на меня, и в глубоко посаженных глазах мелькнул зелёный огонёк.

– Этот перевал... посещается редко, – наконец сказал он.

– А мы пройдем? – встревожился я. Читал описания сложных перевалов, без специального альпинистского снаряжения там делать нечего.

Странный монах медлил с ответом, а потом вдруг повернул голову.

Вибрирующий гул наполнил ущелье. Тёмная туша вертолѐта с обманчивой лёгкостью выплыла из-за гребня, повиснув над грязной поверхностью ледника. Я сжался, а машина поводила тупым носом, будто принохиваясь, и я различил даже лица пилотов за ромбовидными стѐклами.

Симон потащил меня глубже под валун.

– Мы на фоне нагретой солнцем скалы, – прошептал мне в ухо. – Аппаратура нас не видит.

А я и не понял, почему мы втиснулись между скальным откосом и валуном.

Вряд ли нас легко было различить среди камней ледниковой морены даже в бинокль. Вертолѐт недовольно взревел, наклонился и ушѐл вниз между скальными гребнями.

– Пошли! – дѐрнул за рукав спутник.

Мы двинулись вверх по наклонной террасе. Вскоре трава поредела, а тропа потерялась на камнях. То и дело приходилось взбираться на скальные уступы. Я недоумевал: к знакомым мне перевалам вели чуть ли не дороги, выбитые ботинками бесчисленных туристов. Ледник тянулся слева и приобрѐл заметный уклон, а зеленоватый лёд рассекли трещины.

Наконец мы вышли на небольшую площадку. Вверху высились две скальные башни, словно остатки разрушенных зданий, а между ними спускался длинный снежный язык. Слева творилось что-то неладное: над бездонными трещинами громоздились ледяные утѐсы.

– Не останавливайся, – буркнул монах и в своих чудных гамашах стал ловко взбираться по крутому склону. Я вздохнул и пошѐл следом, вбивая ранты ботинок в подтаявший снег. Порыв холодного ветра коснулся волос.

Сзади донѐсся механический гул. Я в очередной раз воткнул ледоруб в снег и, держась за холодный металл головки, оглянулся.

Мы поднялись уже высоко. Слева от нас ледяная река стекала к серым осыпям и бесчисленным зелѐным холмам, а над горным пейзажем блистали облака, словно ещё одна снежная цепь.

И как уродливый чѐрный лыжник, с этих призрачных гор к нам скользил вертолѐт!

– Всѐ-таки углядели, – недовольно сказал Симон.

Мы застыли, по крутому склону не побежишь.

Вертолѐт подплыл совсем близко – от грохота винтов заложило в ушах, белые вихри понеслись по снегу, и моѐ лицо закололи снежинки. За стѐклами маячили лица, кто-то выставил руку в окно и красноречиво потыкал пальцем вниз.

– Не дожѐтесь! – зло крикнул монах.

Вряд ли его услышали, но под днищем угрожающе сдвинулись в нашу сторону сдвоенные стволы. Оттуда вылетела череда вспышек, снег повыше с грохотом взорвался, и я едва успел закрыть глаза: по щекам больно секанул ледяной град.

Пулемѐт!

Меня прошиб холодный пот: вот и конец! Уж лучше сидел бы в этом проклятом санатории.

Но вертолѐт неожиданно развернулся, тугая волна воздуха едва не смела нас со склона, а машина стала быстро проваливаться.

– Высадят группу захвата, – прокричал Симон, едва гул стих. – Хотят взять живыми.

Ну и ладно, мне уже было всё равно. Колени ослабели, я стучал зубами, а промокшая майка липла к телу. Но Симон повелительно указал вверх, и я нехотя сделал шаг.

Их оказалось слишком много, этих шагов. Я едва не утыкался носом в снег, ноги то и дело соскальзывали, противно дрожа. Один раз я глянул вниз, но лучше бы этого не делал: едва не сорвался в головокружительную пустоту. Всё же успел заметить, что вертолёт сел на ровном участке ледника – чёрная клякса в белой бездне, – а вокруг копошится несколько фигурок. Я повис на ледорубе и стал ошалело подтягиваться дальше.

Наконец склон стал положе, и я обрадовался, но тут что-то противно просвистело возле уха.

– Стреляют, – спокойно сказал Симон и покопался в снегу. – Быстрее!

Перегиб склона на время скрыл нас, и монах протянул ладонь. На ней лежала странная пулька с концом в виде иглы.

– Наверное, что-то снотворное, – дрожащим голосом предположил я.

Симон равнодушно кивнул и оборонил пульку в снег.

– Ты представляешь для них ценность, убивать пока не хотят. Но вряд ли это профессионалы, если бы в кого-нибудь из нас попали, вниз долетел бы только мешок с костями.

Про «мешок с костями» мне не понравилось, но тут мы сделали последние шаги и оказались на площадке.

Стыдно признаться, но я издал жалкий писк. Вместо ожидаемого перевала я увидел жуткое сверкание льда, чуть не вертикально уходящего к небу. Нагромождение ледяных утёсов, а между ними голубые и чёрные тени. Будто исполинская лестница из расколотого льда вела к призрачно нереальной кромке снегов.

– Что это? – сипло спросил я.

– Адишский ледопад, – в голосе монаха прозвучало странное восхищение. – Самый большой на Кавказе.

– Мы тут не пройдем, – уныло сказал я.

– Пройти можно, – не согласился Симон. – Если подняться выше, то можно перейти на скалы, а потом траверсировать склон Катынтау.

– Катынтау... – мой голос упал. – Это же Безенгийская стена!

Безенгийская стена – самый высокий участок Главного Кавказского хребта. Скальные отвесы и грандиозные ледопады с юга, и двухкилометровая снежно-ледовая стена с севера. Все маршруты высшей категории сложности! Куда меня завёл Симон?

– Надо спешить! – глаза монаха под прямыми бровями приобрели цвет зеленоватого льда. – За нами гонятся опытные люди с альпинистским снаряжением.

Он повернулся и легко зашагал по снегу. Даже не проваливался при этом, и я вспомнил эльфа Леголаса из фильма «Властелин колец»...

– Надень кошки, – повернулся монах. – Снег слишком плотный.

Я прицепил кошки, хотя не видел большого смысла. Нас скоро догонят, альпинист из меня неважный. Вдобавок снежный склон сужался вверху, заканчиваясь клином под ледяными утёсами. Там нас и возьмут.

Всё же я потащился вверх, вбивая передние зубья кошек в снег и опираясь на ледоруб. Снова холод коснулся волос, и я понял, что это ветер переваливает через закованный в лёд гребень Безенгийской стены. Снежные флаги веяли там в вышине...

На подступах к серакам я оглянулся снова.

И испытал шок – четыре тёмных пятнышка уже приближались к площадке, где мы были недавно. Рассмотреть их чётко не удавалось: глаза резал свет, отражённый от ледяных глыб.

Ещё с десятков метров, и на нас упала холодная голубая тень – мы оказались у подножия ледяных утёсов.

– Постой здесь, – коротко сказал монах и пошёл в сторону по повисшему над пустотой ледяному гребню. Я даже ахнул.

Через минуту монах появился и со странной улыбкой подошёл ко мне.

– Держи. – На ладони у него лежал красивый фиолетовый цветок. – Это большая редкость.

Таких цветов я раньше не видел – нежно-фиолетовые лепестки и пушистая зелёная сердцевина. От цветка исходил тонкий аромат, что необычно для горных цветов.

А Симон замер, оглядывая ледяные утёсы, и лицо в голубоватом свете сделалось необычным – жёстким и мечтательным одновременно. Словно в храме, где вместо свечей на солнце горят ледяные остря.

Фигурки появились на площадке внизу, снова прозвучал выстрел, и на нас брызнули осколки льда. У меня ослабели колени.

– Быстрее за мной, – деловито сказал монах. – Спрячемся в бергшрунде.

Я потащился следом, вяло высматривая, где он добыл цветок, но видел только снег и лёд... Когда оказались перед тёмной пастью трещины, я оглянулся, и склон чуть не уплыл из-под ног, по столь узкой тропе мы прошли. В белёсой бездне под нами ползли чёрные фигурки.

Бергшрунд – трещина между ледником и скалой – в этом месте напоминал ледяную пещеру, но ниже расширялся и зиял чернотой. Повинуясь жесту Симона, я забрался под каменный свод. Хотя какой в этом смысл? Нас легко найдут.

Мой проводник не спешил следом, нелепые гамаша и потрёпанный край подрясника маячили прямо перед моими глазами.

– Зря они стреляли в этих горах... – непонятно к чему произнёс он. А потом вдруг... запел.

Странная это была песня – без слов. И странные звуки – гортанные, резкие, от которых по телу побежали мурашки. Где-то я читал об особом крике горцев, которым они переговариваются на больших расстояниях...

Но этой песне ответил гром!

Меня затрясло: я понял, что собирается сделать Симон. Но затрясло не только от этого – весь ледник содрогнулся. Раздался страшный треск и свет померк, когда мимо стали падать ледяные глыбы. Симон юркнул в пещеру, прикрыв меня своим телом, но всё равно град острых льдинок осыпал лицо и руки, а воздух наполнился снежной пылью.

Грохот стоял неописуемый, словно вся исполинская ледяная лестница пришла в движение. Нас кидало так, что казалось – то ли размозжит головы о каменный свод, то ли улетим в раскрывшуюся бездну.

Но постепенно тряска стихла, грохот перешёл в недовольный рокот и наконец смолк. Только иногда в наступившей ватной тишине раздавался треск.

Вслед за монахом я кое-как вылез из щели. Нам здорово повезло, этот край ледника не пришёл в движение. Но остальная поверхность сильно изменилась: исчезла большая часть сераков, всё было покрыто битым льдом, а вверху курилась снежная дымка, не давая рассмотреть верхнюю ступень ледопада.

Я глянул вниз и испытал шок, только снежная пыль веяла из белой пропасти. Ни людей, ни вертолёт – на пологой части ледника просто появился холм.

«Зря они стреляли в этих горах», – вспомнил я слова Симона. Хотя лавина могла сойти и раньше, от шума вертолётных винтов или звука выстрелов. Тогда и мы оказались бы погребены под жутким холмом. Я содрогнулся, потом стал вытрясать снег из карманов куртки, и вместе со снегом на ладони оказался лиловатый цветок. Я полюбовался им, отряхнул и заботливо спрятал в бумажник. Потом оглянулся: где монах?

Тот стоял повыше у сохранившегося ледяного утёса. Видимо, его раскололо пополам, так что остаток торчал мутновато-голубым зеркалом.

Я тоскливо поглядел вверх. Снег курился всё сильнее, и где-то на километр выше мимолётно проглянул страшной крутизны склон Катынтау.

«И нам туда лезть?», – панически подумал я.

Монах обернулся и помахал рукой:

– Поднимайся, Андрей!

Я стал взбираться к нему. Вот влип – со спятившим монахом на самом грандиозном ледопаде Кавказа! Но тут стало не до рассуждений. Ветер словно сорвался с цепи: сёк снегом глаза, раздувал куртку, пытался сбросить в бездну, где уже бесновалась белая круговерть. Ясная погода в одну минуту сменилась пургой.

Наконец обледенелые гамаша монаха оказались на уровне моих глаз, но тут яростный порыв ветра буквально сдул меня – ноги заболтались в пустоте, одна рука сорвалась с ледоруба, и я отчаянно пытался удержаться за металлический клюв другой. К счастью, ледоруб был плотно вбит в снег, но потерявшие чувствительность пальцы уже соскальзывали...

Меня рванули за шиворот так, что я буквально взлетел, и лицо монаха оказалось напротив моего. И в самом деле спятил: глаза блестят зелёным, как у кота, волосы и усы белые от инея, а губы кривятся в сумасшедшей улыбке.

– Лёд! – провозгласил он. – Ты, наверное, не знаешь, но это самое странное вещество во Вселенной. Даже простое зеркало обладает необычными свойствами, а уж ледяное...

Я не знал, что ответить, пытаясь прийти в себя. А монах пристально поглядел на меня, и лицо из оживлённого вдруг сделалось прежним – худым и жёстким.

– Посмотри в это зеркало, – потребовал он. – Скажи, что ты видишь в нём.

Я оглянулся – но вокруг никого, лишь летящий снег. Как хотел бы снова оказаться в том «санатории», пусть и на положении пленника!.. Потом, почти помимо моей воли, глаза обратились к ледяному зеркалу.

Это действительно было зеркало! Из мутноватой глубины выплыло искажённое, но явно моё лицо. За ним я разглядел причудливо искривлённый пейзаж, но это были не горы, да их и не увидеть из-за метели. Я стал вглядываться...

Странно, что вроде железнодорожной станции, отражённой в кривом зеркале. Пути, платформа с карикатурными людьми, изогнутые дугой вагоны...

Я хотел оглянуться, но услышал только удаляющийся голос монаха:

– Береги цветков.

И всё исчезло...

Интерлюдия. Сибил

Вот я и прочёл первые файлы.

Тогда я впервые посетил другой мир. Хотя почему другой – ведь то была лишь тень, которую наш мир отбрасывает в будущее...

Но лишь недавно я стал понимать это, а тогда был моложе, и окружающее казалось мне простым и ясным. Теперь мне известно больше, и понятнее стали слова царя Соломона: «В многой мудрости много печали».

И всё равно я знаю недостаточно. Хотя моё нынешнее положение позволяет докопаться до любых событий прошлого, но информации слишком много. Так что подборка будет во многом случайной...

Сибил ведёт машину по городу, когда раздаётся сигнал мобильного телефона. Это особая мелодия, и Сибил чувствует приятный холодок возбуждения. Она не касается кнопки ответа, а вместо этого включает навигатор. На дисплее появляется схема улиц – это Сан-Франциско, – и стрелка начинает прокладывать курс. Я не очень понимаю английские названия и слежу невнимательно. Наконец прибыли.

Сибил оставляет машину на стоянке, тёмно-зеркальная стена небоскрёба нависает над ней. Похоже, здесь какая-то финансовая компания, со швейцаром у входа, но Сибил идёт не к парадной двери, а огибает здание.

Здесь швейцара нет, а неприметная дверь открывается автоматически.

В холле чёрный и белый мрамор, яркие точки светильников, ни души. Сибил неуверенно оглядывается и нажимает кнопку лифта. Дверь открывается, в кабине Сибил не трогает ничего, но лифт сразу приходит в движение.

Наконец останавливается, коридор также пуст. На стене загорается жёлтая стрелка, после секундного колебания Сибил следует за ней. Вскоре стрелка замирает у двери – массивной, из тёмного дерева. Ни ручки, ни звонка, и Сибил терпеливо ждёт. У неё появляется неприятное ощущение, что несколько пар глаз разглядывают её. Наконец дверь уходит в стену.

Комната лишена окон, её наполняет холодный белый свет. За столом – тоже из тёмного дерева – двое мужчин. Один в деловом костюме, но без галстука, со смуглым, будто обожжённым лицом. Сибил словно пронзает электрический ток от взгляда жёлтых тигриных глаз.

Всякий раз такое ощущение.

– Привет, Растус, – делает она шаг вперёд, едва кивая второму, в тёмной рубашке и с узким бледным лицом.

Разговор идёт по-английски, мне переводит нейтральный голос. Когда я интересуюсь, что означает имя «Растус», буквы почему-то всплывают на фоне потолка – «милый, любимый». Что-то не похоже.

– Здравствуйтесь, доктор! – отзывается первый мужчина, указывая на чёрное кожаное кресло. – Присаживайтесь. На этот раз вы, кажется, хотите перераспределить пакет своих акций? Не забудьте подписать бумаги, когда будете уходить.

Он широко улыбается, но улыбка смахивает на тигриный оскал.

Сибил (она в сером деловом костюме) устраивается в кресле, закинув ногу за ногу. Лицо внимательное и собранное.

– Хорошо сказано, – улыбается она уголками губ. – Я и в самом деле вкладываю в будущее.

Заговаривает человек в тёмной рубашке. Голос холоден, как свист лезвия, и даже сейчас у меня по спине пробегают мурашки.

– Мы внимательно изучили ваш отчёт о семинаре. Может, вы тратите деньги зря? Важна не зелёная молодёжь, а люди на ключевых постах.

– Вы не заманите таких на сомнительное мероприятие, – парирует Сибил. – Масса усилий для аккредитации, проверки служб безопасности. А из молодёжи порой получаются ценные сотрудники. Или они уходят с имплантированными в подсознание программами. В нужный момент их можно активировать через смартфон... И, конечно, я проводила собственные исследования. Там есть любопытные результаты – например, по вариантам будущего...

– Меня заинтересовало описание сумеречного города – Москвы, кажется, – вступает Растус. – Если там было... точнее, будет применено некое новое оружие, мы хотим узнать о нём подробнее...

– Это не оружие, хотя может быть использовано в качестве такового, – Голос человека в тёмном звучит надменно. – В будущем его будут называть «чёрный свет».

– Откуда вы знаете? – хмуро спрашивает Сибил, искоса разглядывая второго собеседника.

Но отвечает Растус:

– У нас есть источники информации. И немалые средства. Но мы заинтересованы в единомышленниках. У нас ведь общая мечта, Сибил – изменить мир.

Взгляд словно мёдом обволакивает Сибил, и она начинает дышать чаще.

– Ещё неизвестно, насколько наши взгляды совпадают, – пробует сопротивляться она.

– Совпадают в том, что нынешний мир должен быть уничтожен, – улыбка Растуса снова похожа на тигриный оскал. – Так что попросите этого молодого человека приехать и в следующий раз. Он может оказаться ключом. Очень попросите.

Сибил неопределённо кивает.

Если бы я знал всё это раньше...

А Растус продолжает:

– Однако от себя замечу, что ваш подопытный кролик сбежал. В следующий раз больше полагайтесь на... моего компаньона. – Он кивает в сторону соседа.

– Хорошо, – пожимает плечами Сибил. – А этот от нас не уйдёт.

Растус внимательно глядит на неё:

– Сибил, вы вкладываете много сил в сотрудничество. Мы могли бы увеличить денежное вознаграждение...

– Не надо, – холодно улыбается Сибил. – Мне достаточно, если наша деятельность окажется... эффективной.

Растус слегка моргает:

– Хорошо. Я склонен одобрить вашу работу, Сибил. Мы получили десятки людей, запрограммированных на подсознательном уровне, причём людей в важных для нас областях. При подготовке следующего семинара учтите...

Но дальнейшее меня не интересует, уже знаю про этот «следующий». А вот как уважаемая доктор Сибил познакомилась с этими... не совсем людьми – любопытно. Так что снова поиск.

Сибил останавливает машину и глядит на мост «Золотые ворота», перекинутый через морской залив. Окрашенные в красный цвет конструкции эффектно смотрятся на фоне голубой воды, но Сибил не до красот, слёзы застилают глаза. Не прыгнуть ли ей с высоты двухсот двадцати футов – может быть, она окажется юбилейной, 1500-й по счёту?

Она слышит странный звук и не сразу понимает, что это стучат её зубы. Не только от отчаяния, но и от ярости. Но что она может сделать, заурядный доктор психологии против государственной машины, этого чудовищного Левиафана?

Слышится вкрадчивый шорох подъехавшей машины. Сибил торопливо вытирает платочком глаза и недовольно косится – опять туристы хотят сфотографироваться на фоне моста.

Но машина необычна для туристов: ярко-жёлтая, приземистая, с узкими окнами. Кажется, «Ламборгини» – нечастый гость в Америке. Ну и кто выложил за такую полмиллиона долларов?

Поднимаются клиновидные крылья, придавая машине вид зловещей птицы. Из неё выходит мужчина в белом костюме и смотрит на Сибил. Лицо смуглое, будто обожжённое, а глаза странного жёлтого цвета. «Как и машина, – автоматически отмечает Сибил. – Ну и пижон».

Мужчина заговаривает, и голос приятен – странная смесь вкрадчивости и лёгкой надменности:

– Здравствуйте, Сибил. Меня зовут Растус. Выражаю вам свои соболезнования.

ОТКУДА ОН ЗНАЕТ?

– Безмолвные вопли отчаяния разносятся далеко, – будто отвечая, говорит Растус. – Я слышу многое, чего не слышат другие. И знаю тоже. Я знаю, что вы ненавидите, и знаю, что чувствуете бессилие. Но вы сильная женщина, Сибил. Вы ещё не знаете, какая сильная. Вам не хватает только единомышленников.

У Сибил звенит в голове, будто её оглушили. Сумасшедший? Но откуда сумасшедший может знать, что она чувствует? И часто ли сумасшедшие разъезжают на «Ламборгини»? Сибил ощущает, будто ледяной холод мимолётно касается её волос.

– Что вам от меня нужно? – выдавливает она.

Растус оказывается рядом и кладёт ладонь ей на плечо. Сибил невольно дёргается, но от ладони исходит умиротворяющее тепло.

– Найдите старых друзей по университету, – почти в ухо шепчет он Сибил. – Найдите недовольных. Помогите обиженным, я оставляю вам деньги. Пока не будьте конкретны, но начните создавать организацию из лучших компьютерных специалистов. Небольшую и сугубо частную. Когда у вас получится, а у вас обязательно выйдет, я помогу. Вместе мы сломаем хребет Левиафану.

Даже про эти мысли он знает!

– А если я сообщу о вашем предложении... кому следует? – севшим голосом спрашивает Сибил.

– ФБР не сможет причинить мне вреда, – беззаботно отвечает Растус. – Они не подозревают о наших возможностях. А вы многое упустите. Но вас я не трону, делайте что хотите.

Как сквозь туман, она видит, как опускаются хищные крылья. Мягко рыкнув, «Ламборгини» срывается с места. Он что, собирается делать двести миль в час по обычному хайвэю?

Правой руки Сибил касается что-то твёрдое. Обычный дипломат, но только что его не было. Сибил механически открывает замки. Весь набит стодолларовыми купюрами! Как в фильмах про мафию.

Сибил закрывает дипломат и глядит на мост. Слёзы высохли, оставив сухое жжение в глазах. Мост красен, как кровь. Откуда ты, Растус? Не прямо ли из ада?

Но она пойдёт по этой дороге, куда бы она ни вела. Как её...

ЗАМОЛЧИ!

Всё меркнет, видимо мне показали достаточно.

3. Парк в сумерках

Дальнейшее надолго оставило меня в тоскливом недоумении. Я сидел на платформе, опираясь спиной на рюкзак, струйки пота щекотали спину, а я не мог оторвать глаз от надписи на здании вокзала – «Минеральные воды». Как я здесь оказался? Со страхом понял, что ничего не помню после этого чёртова Адишского ледопада.

Перед глазами замаячило тёмное – это оказался Симон в неизменном подряснике. Присев на корточки, протянул мне паспорт.

– Кажется, приходишь в себя, – одобрительно усмехнулся он. – Бери, я взял тебе билет до Москвы.

– А как?.. – еле выдавил я.

– Как сюда добрались? – зелёные глаза монаха скользнули по моим. – Ну, наверху ты простыл. Когда спустились на Безенгийский ледник, плохо соображал. Хорошо, встретились пограничники и помогли дотащить до заставы. А как тебе стало лучше, я нанял машину...

– Спасибо, – пробормотал я. – Возьмите деньги, если в бумажнике остались.

Симон отмахнулся:

– Бескорыстная помощь благотворно влияет на карму. Это я должен быть благодарен.

Карма? Станные слова для православного монаха... Но тут Симон вздёрнул меня на ноги.

– Пошли, посадка уже объявлена.

Ноги в самом деле еле держали, я доехал до Москвы как пришибленный. На Курском вокзале первым делом зашёл в Интернет-кафе и набрал в поисковой строке «Новый Афон». Вывалилась куча ссылок: история монастыря, прейскуранты пансионатов, рассказы туристов, фотографии...

Моя догадка подтвердилась: когда-то монастырь и в самом деле был великолепным, но долгое время оставался в запустении, и лишь недавно его начали восстанавливать. А пока над буйной зеленью поднимались облезлые стены собора, торчали какие-то ржавые трубы, монастырских виноградников не было и в помине, и туристы делились впечатлениями только о знаменитых новоафонских пещерах. Водопад сохранился, и падающая вода действительно походила на кудри девушки (опять, странное сравнение для монаха), но вокруг царило запустение...

Кто же ты, Симон? Если не монах, то и не сотрудник спецслужб – иначе меня задержали бы для допроса. С тяжёлым сердцем я вышел из Интернет-кафе и поехал в общежитие.

Некоторое время думал, не заявить ли в полицию, но отказался от этой мысли – будут смотреть как на психа. В сопровождении странного монаха перемахнул через Безенгийскую стену, а потом начисто забыл, как это сделал...

Последний год в университете прошёл скучно. В аспирантуру меня не взяли, не было денег заплатить, кому следует, но пригласили и дальше посещать заседания рабочей группы по футурологии. И на том спасибо. Работу преподавателя подыскал в институте подмосковного города Р. Платили там немного, но я надеялся подрабатывать в Москве, а потом и совсем туда перебраться.

Зимой получил «мыло» от той же сомнительной организации под громким названием «Международный фонд изучения будущего» – с предложением поехать на другой семинар, в этот раз на Украину. Словно меня не держали в тюрьме, а потом не пытались убить...

Я не стал отвечать, и вскоре про это предложение позабыл...

Последний год в университете работал над дипломной работой о вариантах будущего развития России. Со своими мнениями не лез, просто старался перечислить имеющиеся сце-

нарии, а их хватало. Обзор начал с планов, а скорее мечтаний российской политической элиты.

Естественно, преобладал административный восторг. Предполагалось, что Россия на равных войдёт в мировое разделение труда и отвоюет долю рынка высоких технологий. Вооружённые силы останутся надёжным щитом от враждебных посягательств, население будет расти, а республики бывшего СССР в основном перейдут на дружеские позиции.

Американские исследователи относились к этой возможности скептически. Как Россия, отставая в экспорте высокотехнологичной продукции в 14 раз от маленькой Кореи, сможет хотя бы сократить этот разрыв? Догнать Францию, Германию и тем более США, представлялось вообще утопией. Поэтому прогнозировалось, что из-за всевластия бюрократии и размаха коррупции планы развития высоких технологий останутся на бумаге, и Россия останется сырьевым придатком развитых стран. А поскольку коррупция будет по-прежнему разъедать страну, и этот вариант представлялся американским футурологам лишь сползанием к полному краху. Контроль над богатыми сырьём Сибирью и Дальним Востоком будет утерян, и они войдут в сферу влияния Китая. Чтобы предотвратить столь нежелательное усиление Китая, США должны принять меры для укрепления своих позиций в Сибири. Вкладывать капиталы в добычу сырья и подкуп тамошней элиты, а в перспективе объявить Сибирь общим достоянием человечества и ввести международное (читай, американское управление)...

Работая, я вспоминал сумеречную Москву – а вдруг там было применено неизвестное оружие? – но в дипломе об этом не написал. Не хватало прослыть сумасшедшим.

Защита прошла успешно: учёные мужи покивали, хотя не обошлись без каверзных вопросов. Хоть студентам можно продемонстрировать, что с мнением учёных в России ещё надо считаться. Получив диплом, я покинул Alma mater. А чтобы отдохнуть, договорился с приятелем о поездке на юг. Только на сей раз в Крым, хватит с меня Кавказа.

Мы зря думаем, что сами выбираем путь...

Вещи отвёз к дальним родственникам, которые снисходительно терпели мои редкие визиты, а деньги и паспорт переложил из барсетки в старый бумажник, что брал ещё на Кавказ – удобнее в дороге.

Заехал за Малевичем, и отправились в аэропорт.

В Грузию я летел ночью и ничего не увидел, так что теперь приник к иллюминатору. Чудесной показалась облачная страна внизу: белоснежные замки, фантастические ватные звери, и над всем – тёмная синева небосвода. Странно манила эта синева, но одновременно и пугала, неземным холодом тянуло от неё.

Я прикрыл глаза и вскоре задремал, убаюканный гулом моторов...

И привиделся другой пейзаж: снежные горы над заиндевевым лесом. Что-то упорядоченное виднелось у их подножья – на открытой площадке среди леса рядами стояли металлические мачты. Надо всем тоже висела тёмная синева небосвода. Вдруг в ней появилось голубоватое свечение и быстро охватило полнеба. Словно громадная птица была призрачными крыльями над горами, и волны голубого пламени бежали по белым склонам...

Я вздрогнул и проснулся. Сердце сильно билось: что я видел?.. Но самолёт уже проваливался в воздухе, мы прилетели. В Симферополе обменяли рубли на местную валюту, цены показались соблазнительно низкими, и к морю поехали на такси.

Когда въехали на перевал, голубой туман охватил полнеба, и я не сразу догадался, что вижу море. Вспомнилось:

«Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,

Туда, где гуляем лишь ветер... да я!». ¹

Свобода... Мы мечтаем о свободе, только есть ли она?

Белая дорога среди гор, каменный медведь Аю-Дага пьёт синюю воду, зелёная чаша с россыпью белых зданий – Ялта. И тут я испытал странное беспокойство: будто кто-то постучал в невидимые стены сознания. Словно опять явился тот проводник...

Камни, сосны, горячий блеск воды. Никого...

Город объехали стороной, ощущение пропало, и я забыл о нём. А ещё считал себя наблюдательным.

За Ялтой шофёр показал на белеющий среди зелени царский дворец – Ливадия. Более двух веков назад Россия пришла на эти берега, но, не сумев связать концы огромной империи воедино, отступила от тёплого моря на хмурый север.

Наконец приехали.

Искать жильё не пришлось. Едва такси остановилось, вокруг собралась кучка людей – предлагали квартиры, комнаты, веранды. Мы растерялись и быстро капитулировали перед напористой женщиной с большим носом и чёрными волосами.

Женщина забралась в такси и стала по-хозяйски показывать, куда ехать. Остановились перед двухэтажным домом: внизу ворота гаража и входная дверь, наверху веранда, за садом блеск моря.

Выскочила большая чёрная собака и молча обнюхала нас. Следом появился хозяин: среднего роста, тоже горбоносый, с густой проседью в чёрных волосах.

– Гела, лежать! – приказал он.

Собака легла, продолжая разглядывать нас. Мужчина белозубо улыбнулся и протянул руку.

– Нестор. А это моя жена Зинаида. На собаку не обращайтесь внимания, своих не тронет.

Мы тоже представились, и хозяин показал нам жильё – опрятную белую постройку в саду. На ведущей к ней дорожке валялись спелые вишни, к стене был прикреплён рукомойник, а внутри стояли две кровати, стол и кое-что из столярного оборудования.

– Если хотите, можете занять комнату наверху. – Нестор махнул рукой в сторону дома. – Но тут свободнее, никто мешать не будет. – И подмигнул.

Жильё показалось подходящим, мы договорились о цене и заплатили за две недели вперёд. Довольный хозяин разрешил рвать вишен, сколько захотим, и ушёл. Мы побросали вещи и отправились к морю.

Вода была голубой и вначале показалась холодной, но потом стала обнимать тело с такой лаской, что долго не хотелось выходить на берег. Мы купались и загорали до одури, а потом побрели по каменной лестнице вверх. С веранды помахал Нестор:

– Эй, ребята, поднимайтесь! Вином угощу.

Мы ополоснулись под летним душем, и пошли к дому. Навстречу вышла собака и, проводив через двор на веранду, легла на дощатом полу.

– Гела вам ещё не доверяет. – Нестор был в майке, курчавые волосы на груди тоже тронула седина. Кивнул на стулья вокруг покрытого клеёнкой стола:

– Усаживайтесь.

Ловко разлил из кувшина огненно-красное вино по стаканам:

– С приездом в Крым. И с днём военно-морского флота. Сегодня будет праздничный салют в Севастополе. Когда-то и я в советском флоте служил.

– А кем? – вежливо поинтересовался я, пробуя вино, оказалось нежным и сладким на вкус.

¹ А.С.Пушкин. «Узник»

– Подводником. – Нестор выпил стакан до дна и поставил на стол. – Нам тоже вино давали, только сухое. Такое полагается на атомных подлодках, а я служил на дизель-электрической. Такие трудно обнаружить, почти бесшумны. Ходили к берегам Америки, там ложились на дно и дежурили с ракетами наготове. По лодке передвигались в войлочных тапках, чтобы американцы по звуку не засекли. Отбывали дежурство и уходили, а на грунт ложилась другая подлодка. Интересно, сейчас туда ходят?

– Вряд ли, – сказал я, чувствуя сонливость, в голове словно отдалённо шумело море. – Не на что, все деньги разворовали.

– Да, – усмехнулся Нестор. – Это раньше американцы нас опасались. Мне замполит по секрету сказал, что если начнётся война и нас подбьют, то у него и командира есть приказ – взорвать ядерные боеголовки. Пол-Америки смыло бы к чертям собачьим. Хотя, наверное, травил – боеголовки на ракетах так устроены, что если и подорвать, ядерного взрыва не получится. Сначала взрыватели должны стать в боевое положение при запуске... А может, проверял: не сболтну ли кому? Любили у нас проверки устраивать.

Стёкла веранды были горячими от солнца, но из открытого окна вдруг словно потянуло морозным воздухом. На миг мне сделалось зябко, представилась сцена из американского же фильма: гигантская волна, рушащаяся на небоскрёбы. Но я отогнал видение прочь.

Не знал ещё, что таким холодом веет ветер из будущего...

Вино разморило, и мы подремали в своём сарайчике. Проснулись к вечеру – на тёмно-синем небе появились звёзды, а море спряталось в темноту. Мы приоделись и вышли, приятно не терпелось завести знакомство с девушками.

В парке горели фонари, гремела музыка. Мы сели на скамейку возле танцплощадки, и я вдруг испытал странное чувство – не то ожидание, не то страх... В темноте светились красные огоньки. Цветы?

На соседней скамье сидели две девушки, одна временами покашливала, и Малевич оживился.

– Знак подаёт, – прошептал он.

Поднялся, подошёл к девушкам и о чём-то спросил. Послышался смех, одна из девушек ответила. Вскоре Малевич обернулся и махнул мне рукой.

Одна девушка оказалась брюнеткой, а другая блондинкой. Надо было разговаривать, но я не мог ничего придумать и спросил о красных огоньках. Светлая – оказалось, что её зовут Кира ² – несколько надменно ответила, что это цветут кактусы.

Мы отправились танцевать. Малевич не отходил от брюнетки, та была развязнее и казалась легко доступной, а мне досталась блондинка. Она танцевала слишком хорошо для меня: светлые волосы металась в такт движениям гибкого тела, серые глаза смотрели насмешливо, и я чувствовал себя неловко.

После танцев пошли гулять. Парк был разбит вокруг старинного дворца не то восемнадцатого, не то девятнадцатого века. Тонко пахли цветы, из-за чёрных ветвей блестела луна.

Мне не хотелось разговаривать, Кира тоже молчала. Мы шли по тропке меж кустов роз, и неожиданно просветлело – мы оказались на верху мраморной лестницы.

Лестница спускалась во мрак, словно земля тут обрывалась в темноту космоса. Над белыми ступенями высились чёрные кипарисы, а по сторонам лежали и сидели, глядя на серебряную луну, мраморные львы.

Мы остановились...

И вдруг я испытал странное чувство: мне почудилось, будто мы оказались в заколдованном саду на краю земли, где никогда не бывает дня. Вечно луна сияет над белым каскадом ступеней, и вечно на неё глядят мраморные львы...

² Кира – Госпожа (греч.)

Кира вздохнула, наваждение исчезло, и мы продолжили прогулку. Вскоре парк остался позади, вокруг засияли огни, у входа на полутёмную улочку девушки остановились – они были из пансионата неподалёку. Мы с блондинкой простились довольно сухо, а Малевич возвращался домой взбудораженный, явно получил от брюнетки какие-то авансы.

На следующий день мы долго лежали на пляже, а потом до вечера отсыпались. На улицу вышли, когда закат уже розовел на белых утёсах Ай-Петри. Скоро угас, и сумерки накрыли серым пологом причудливые башни дворца.

Малевич потащил меня к пансионату. Я не особо хотел снова видеть девушек, но вышло так, что светловолосая Кира опять оказалась рядом со мной, а Малевич со своей более податливой спутницей скрылись в тёмной глубине парка.

Мы пошли гулять по оживлённым улицам. Я купил Кире мороженое и, когда вытрясал мелочь, на ладонь случайно вывалился фиолетовый цветок – так и пролежал всё это время в бумажнике. Кира склонилась к моей руке и осторожно взяла засохший цветок, волосы мимолётно пощекотали мою ладонь.

Лёгкий электрический ток...

– Какой красивый. Где ты его нашёл?

– Подарили, – неуклюже ответил я, думая, что последуют расспросы, но Кира молча разглядывала цветок.

Он хорошо сохранился, и мне показалось, что лепестки замерцали, а на лицо Киры упал слабый свет, но, скорее всего, это рядом вспыхнул фонарь.

Кира вернула цветок и после неловкого молчания предложила пойти за алычой в заброшенный сад. Мы поднялись по тёмной улице, калитка оказалась запертой, и надо было перелезть через полуразрушенную стену. Я перепрыгнул первым, подал девушке руку и с досады на бездарно потраченное время дёрнул Киру так, что она ударилась коленкой о камень.

– Ой! – вскрикнула она, присев на корточки и обхватив колено руками.

Я нехотя открыл рот, чтобы извиниться...

И замер.

Свет фонаря едва пробивался сквозь листву над нами, но лицо Киры словно озарилось. Непонятно, откуда взялся этот свет – в темноте тонула земля, стволы деревьев, даже платье девушки, и только её лицо казалось светящимся овалом. И в глазах возник таинственный блеск – то ли выступили слёзы, то ли в глубине замерцали огни...

Моё сердце захолонуло. С непонятным чувством я тоже опустился на корточки, опёрся рукой на землю и ощутил упавшие с дерева круглые плоды алычи.

– Какой ты жестокий, – сказала Кира. Но в её голосе не было раздражения, лишь нездешней красотой светилось её лицо в этом тёмном саду, куда больше ни на что не падал свет...

Я тогда не знал, что впервые увидел свет Сада. Тому, кто увидит его, никогда не стать прежним – даже если захочет. Отныне ему идти по иным дорогам, где будут странные встречи. И путь он закончит не скоро.

Но ничего этого я тогда не знал...

Алычи мы так и не набрали, я проводил Киру обратно к пансионату. Она слегка прихрамывала и опиралась на мою руку.

На следующий день я проснулся с непонятным томлением, без особой радости поплавал в море, а после обеда, купив букет роз, поспешил к пансионату, где жила Кира.

Наверное, в советские времена тут был санаторий: дощатая веранда, обшарпанные стены. Никого – все отдыхали. Тёмные кипарисы стояли вокруг, загораживая море.

Я отыскал окно Киры (вчера помахала из него рукой) и, сорвав несколько стручков акации, бросил в стекло. Некоторое время ничего не происходило, затем в окне появились светлые волосы и улыбающееся лицо Киры. Она кивнула, и я вернулся к теннисному столу под шелковицей, сердце сильно билось.

Наконец Кира сбежала по лестнице. В тени шелковицы её серые глаза приобрели зеленоватый оттенок.

– А где твой неразлучный Малевич? Ну, не обижайся! Это ты мне принёс? – Она взяла букет. – Одна жёлтая, знак измены! Но всё равно, спасибо. Пойду, поставлю в воду.

Она зашлёпала сандалиями вверх по ступеням. Я присел на стол, сердце билось ровнее, стал слышен мерный шум моря. Кира вернулась, я вскочил и взял её под руку.

– Из-за тебя не сплю после обеда, – тихо рассмеялась Кира.

Мы пошли вниз по тропинке, перелезли через каменную ограду и оказались на песчаной дорожке парка. Она была обсажена розами, в конце сияло море, среди блёсток двигался силуэт катера. При ярком свете глаза Киры стали серо-голубыми. Она оглядывалась и слегка кивала розам, будто здороваясь с ними.

– Поплывём завтра в Ласточкино гнездо? – предложил я.

– Поплывём, – согласилась Кира. Освободив руку, потянула меня за локоть. – А сейчас пойдём в парк!

Я уже знал, что парк раскинулся вокруг дворца бывшего царского вельможи и был устроен ещё в пушкинские времена. Мы увидели высокие пилоны и ажурный портал дворца, а потом вышли на пальмовую аллею. Аллея вывела на широкую лестницу, по сторонам которой лежали и стояли мраморные львы.

Словно прохладный ветерок тронул волосы, напомнив о залитых лунным светом ступенях...

За лестницей потянулись песчаные дорожки среди деревьев. Словно замок горного духа, высились над зеленью выбеленные солнцем зубцы Ай-Петри. Открылась поляна, в тени могучих кедров стояла скамейка.

Мы сели. К запаху хвои примешался другой аромат – это пахли нагретые солнцем волосы Киры. Она взяла меня за руку:

– Андрей, смотри!

На лужайке перед нами, распустив синий хвост с золотыми лунными полукружиями, выступал павлин...

Мы не поехали на следующий день в Ласточкино гнездо. Случилось странное.

В обед я возвращался с моря (Малевич куда-то исчез) – и наверху лестницы присел на остановке маршрутного такси, бездумно глядя на серые зубцы Ай-Петри. Подкатила маршрутка в сторону Ялты, я так же бездумно сел и, только оплатив проезд, спохватился: куда еду? Вроде бы никуда не собирался.

Но машина уже петляла по горной дороге, вскоре внизу забелели многоэтажные здания, и я пожал плечами: погуляю по Ялте и вернусь.

От многолюдного автовокзала пошёл вниз к морю и машинально свернул в улочку, где показалось меньше народу. Прохладный ветерок с гор коснулся волос.

Здесь стояло несколько частных отелей – с тёмно-зеркальными окнами, крышами из красной черепицы и спутниковыми антеннами. Я смотрел равнодушно, мне эта роскошь была не по карману.

Но вдруг из двора, где цвели розы, меня окликнули:

– Андрей?

Имя прозвучало с английским акцентом, скорее как Andrew.

Теперь уже мороз прошёл по спине, и я обернулся.

Меж двух кустов роз – жёлтым и красным – стояла Сибил. Мешковатое платье в цветочек, серые волосы и рыхлое белое лицо, словно впервые выбралась на солнце.

– Здравствуйтесь, – неохотно сказал я, подходя к изгороди. Откуда здесь взялась моя тюремщица?

– Рада, что вы всё-таки приехали на семинар. А где ваш багаж?

– Какой багаж? – глупо спросил я. И тут наконец понял...

Хитрое мне пришло электронное письмо. Я равнодушно прочитал приглашение, полюбовался красивым фоном – что же там было изображено? – и стёр из памяти ноутбука. Только вот из моей памяти оно никуда не делось. Наоборот – хитро спряталось в глубине, а теперь подтолкнуло поехать в Ялту и зайти именно в эту улицу. А ещё раньше... не потому ли я решил поехать именно в Крым?

Так что не приглашение это было, а скорее закодированный приказ. Непростая организация устраивала эти семинары. Я-то думал, что такими штучками балуются только спецслужбы...

Мне захотелось бежать во все лопатки, но дурацкая гордость не позволила. Видно, мало меня ещё били.

– Нет у меня багажа, – сказал я. – И вообще к вам не собирался.

Но Сибил ничуть не смутилась:

– Если вам неприятно то, что произошло в прошлом году... – она аккуратно построила предложение, только глаза чуть остекленели от напряжения, – то это недоразумение. Вас уже собирались отправить домой.

Не вполне уверена, что именно я запомнил. Ну и не буду ей ничего раскрывать. Ледяная корка стягивала корни волос, и теперь я понимал, что это вовсе не ветер.

– Я всё помню смутно, – пожаловался я. – Держали в каком-то санатории, пичкали лекарствами...

– Немного подлечили после падения в трещину на леднике... – с готовностью подхватила Сибил.

Мне стало ещё холоднее – вспомнился вздыбленный к небу Адишский ледопад и сумасшедший монах в чёрном подряснике на белом снегу...

А Сибил оборвала предложение на полуслове и покосилась назад, неуверенность мелькнула в вяло-спокойных глазах.

К нам подходила женщина в зелёном платье и с распущенными волосами.

– Здравствуйтесь, – сказала она. – Что стоите на солнце? Пройдёмте в тень...

Она говорила что-то ещё, но я почти перестал слышать. Женщина была необычайной красоты: сочно-красные губы, точёные дуги бровей, мелко завитые каштановые волосы. Платье травянистой зеленью обтекало полные груди.

Что-то тихо заскулило в глубине моей памяти, словно испуганный зверёк...

Я почувствовал, что тону в зелёных глазах этой женщины – они становились всё темнее и что-то напоминали...

Оказалось, что мы уже сидим за пластмассовым столом во дворе. Официант в белой рубашке с галстуком-бабочкой поставил перед нами бокалы с рубиновым вином. Сибил не притронулась к своему, а женщина подняла бокал к губам:

– За знакомство, Андрей.

Я взял бокал:

– К сожалению, нас не представили...

И испытал гордость, получилось прямо по-светски.

Сибил поколебалась и исподтишка глянула на женщину.

– Аннабель, – тихо сказала она.

Я вспомнил преподавательницу английского, которая замучила нас переводами из английских и американских поэтов.

– У вас красивое имя, совсем как в стихотворении Эдгара По. Он написал стихи про Аннабель Ли, которая жила в королевстве у моря...

Женщина улыбнулась – медленно и чувственно. Каштановые волосы рассыпались по смуглым плечам, а глаза стали совсем тёмными.

– И я когда-то жила на берегу моря...

Что-то напомнил мне её голос. Холодноватое очарование звучало в нём...

Но я не смог вспомнить и смешался:

– А вы хорошо говорите по-русски, без акцента.

– Я знаю много языков, – сообщила она, и красный кончик языка скользнул по краю бокала. – Было много свободного времени.

Я не знал, что ещё сказать. Молчание становилось напряжённым, а вокруг будто слегка потемнело – возможно, набежала тучка.

– Э-э, – подала голос Сибил. – Андрей, может быть, пройдёте в свою комнату?

– Какую комнату? – удивился я. – Я здесь случайно.

И опять мороз пробежал по коже: совсем не случайно...

Краем глаза заметил, что некто в тёмной длинной одежде появился во дворе и глянул на нас. Не то японец, не то китаец, чёрт их разберёт. Следом высыпала шумная компания, все с сумками. Кое-кого я узнал – знакомые по прошлогоднему семинару. Один – программист из-под Новосибирска – направился ко мне, широко улыбаясь.

– Привет, Андрей! Едешь с нами?

Оказалось, что все направлялись на Ай-Петринскую яйлу – встречать восход солнца. Организаторы умели чередовать работу и развлечения.

– Нет, – буркнул я. – Вообще в семинаре не участвую.

Сибил моргнула и запустила руку в сумочку. Зазвучала довольно странная мелодия – скорее всего, обрывок какой-то современной музыки. Мобильный телефон? Однако Сибил ничего не достала...

Весёлая компания стала грузиться в микроавтобус с затемнёнными стёклами, а я встал, чтобы уйти. Как бы ни так – непонятно почему, но и я оказался в автобусе. Только когда тот покатил по улицам Ялты, я сообразил, что музыка могла оказаться с секретом, как и зимнее приглашение на семинар. Очередной сюрприз. Но не спрыгивать же на ходу? Лучше подождать более удобного случая...

Я вспомнил про Малевича и, попросив у программиста из Новосибирска мобильник (своим не пользовался из-за дорогого роуминга), сообщил, куда меня пригласили и что вернуться только завтра.

Малевич довольно хмыкнул – освобождалось место для свидания с брюнеткой, – а я протянул мобильник обратно.

Хотя бы Малевич поднимет тревогу...

– Я слышал, ты в прошлом году упал в трещину на леднике. Как сейчас, в порядке? – поинтересовался сосед.

– Подлечили, – буркнул я. И в свою очередь спросил:

– Витя, а ради чего вас здесь кормят и развлекают? Такой семинар влетает устроителям в копейчку.

Сосед ухмыльнулся:

– Относись к этому как к передаче «Алло, мы ищем таланты!». Наверное, надеются потом использовать наши светлые головы. Что-то вроде Фонда Сороса.

Такое мнение мне приходилось слышать от участников семинара. «Brain-drain» – утечка мозгов из России. Организаторы семинара упирали на свою заботу о молодых талан-

тах, о равных возможностях для всех, но я не особо верил. Какой может быть альтруизм в современном мире? Все преследуют свои интересы. Вот и здесь: эксперименты по контролю над сознанием, обострённый интерес к новым технологиям, весьма беззастенчивые методы. Не пора ли удирать...

Но автобус уже петлял по горной дороге, внизу распахнулась туманная гладь моря. Вскоре зелёное одеяло лесов оказалось внизу, и на скалах повисли искривлённые ветрами сосны.

Когда машина взобралась на край плоскогорья, слева открылся какой-то восточный базар: павильоны, прилавки с бочонками и почему-то лошади.

– Это татары устроили, дерут деньги с туристов, – пояснил сосед. – Тут конечная станция канатной дороги.

Мы проехали дальше и скоро оказались среди безлюдья: зелёные холмы, искрошенные временем зубцы скал, буковые рощи. У подножия одного из склонов показалось двухэтажное здание, стёкла горели в лучах нисходящего солнца. Неподалёку уходили вверх мачты подъёмника – видимо, зимой здесь был горнолыжный курорт.

После ужина в уютном ресторанчике состоялось первое заседание. В зимнем саду расставили стулья, с приветствием выступила Сибил.

Она переоделась в деловой костюм, который всё равно сидел мешковато, и говорила по-английски – о том, что современный мир стал крайне нестабилен. Благополучие так называемого «золотого миллиарда» куплено ценой бедности половины земного шара. Менее развитые страны вынуждены продавать невозполнимые ресурсы порой за бесценок. Стоит попытаться вырваться из резервации для бедных – и смельчакам устраивают финансовый, а то и военный кризис. В угоду нефтяным компаниям убивают людей на Ближнем Востоке. Неудивительно, что многие пытаются бороться с таким порядком, а их тут же объявляют террористами. Нависла угроза войны за очередной передел мира... В заключение Сибил призвала участников семинара искать пути к новому, более справедливому мироустройству.

Хорошие слова, только не очень верится. Как там у принца Гамлета: «Слова, слова, слова...».

Затем с докладом выступил молодой китаец. По его расчётам, мир вступил в полосу турбулентности. Уже в 2017–2020 годах может произойти решающая битва за мировые ресурсы. К 2020 году закончится перевооружение армии США, окончательно устареет ядерный потенциал России, и Китай останется единственной преградой на пути Америки к мировому господству. В отношении Китая выработан такой же план действий, как против бывшего СССР. Во-первых, максимально подогреть потребительские настроения в китайском обществе, превратив население в массу обывателей. Во-вторых, нравственно разложить правящую элиту, чтобы захотела променять партийную дисциплину на вседозволенность по примеру правящих кругов России. В-третьих, окружить кольцом военных баз с высокоточным оружием, чтобы держать китайскую элиту в страхе перед молниеносным уничтожением. Таким образом, не прибегая к открытым военным действиям, США хотят добиться фактической капитуляции Китая. Он должен отказаться от глобальных амбиций, как была вынуждена сделать в своё время Япония. Если этого не удастся достичь мирным путём, не исключён и военный вариант. Его китаец собирался проанализировать во второй части доклада.

– Зачем Америке воевать? – спросил кто-то. – Она и так может всё купить, напечатав побольше долларов.

– Ресурсы, – пожал плечами китаец и склонился над ноутбуком. – Чем их становится меньше, тем дороже приходится платить. Даже богатая Америка не может себе этого позволить. Вот послушайте, что писал американский военный аналитик ещё в 1979 году. «Мы стоим перед мрачной перспективой мира, в котором слишком много людей и слишком мало

ресурсов. Обостряется противоречие между стремлением высокоразвитых стран поддерживать свой высокий уровень жизни и стремлением других стран просто выжить. Это будет мир, где силой и только силой можно будет обеспечить неравное распределение ресурсов, которых не хватает...». ³

Китаец саркастически улыбнулся:

– Сейчас мы оказались именно в таком мире. Пройдёт полвека, мы овладеем термоядерной энергией и сможем добывать ресурсы на дне океана и даже на других планетах. Но до этого ещё надо дожить.

Началось бурное обсуждение, в основном упирали на то, что в постиндустриальном мире нужно меньше ресурсов. Докладчика даже обвинили в паранойе. Я тоже отнёсся скептически: такого удобного партнёра, как Китай, западникам ещё поискать. Туда вынесены грязные производства, там трудолюбивые китайцы собирают массу бытовой техники – Западу остаётся только снимать сливки. Конечно, это тоже создаёт проблемы, но вполне решаемые. Куда серьёзнее проблемы у стран, которые не смогли толком вписаться в мировое разделение труда – как, например, Россия...

Я не стал участвовать в дискуссии, очень хотелось удрать, так что покинул оживлённую компанию и с банкой пива вышел на веранду.

Сделать вид, что пошёл прогуляться по окрестностям?

Но перед входом прохаживалась парочка явно не участников семинара. Следов интеллекта на их бычьих физиономиях не просматривалось. Пришлось открыть пиво.

По обширному плоскогорью чернели рощи. Вдали на холме виднелись белые яйца – словно огромная птица снесла их посреди темнеющего поля. Наверное, колпаки над антеннами радиолокаторов.

Воспоминание о не состоявшейся войне. Или предчувствие будущей?..

Да, любопытная организация положила на меня глаз. То ли в самом деле скупает интеллектуальные ресурсы России и других стран, то ли что-то другое...

И, скорее, другое. Слишком беспардонные методы: держать в санатории-тюрьме, применять оружие, использовать психотехнологии...

Кто за всем этим стоит?

Становилось холодно, остро запахло полыньёю. Только зубцы Ай-Петри и зловещие яйца розовели над уходящим в ночь плоскогорьем.

Я допил пиво и вернулся в холл, откуда уже разбрелись спорщики. Симпатичная горничная дала мне ключ от номера. Мельком подумал: почему не видно ни Сибил, ни Аннабель, хотя обе ехали в автобусе? Насвистывая, поднялся на второй этаж.

Почему я поехал тогда в Грузию? Хотя понятно, почему. Падки русские на халяву, не воспитаны на пословице, что бесплатный сыр бывает лишь в мышеловке.

Я открыл дверь номера, но включать свет не стал. В окне рисовались силуэты сосен, а за ними чернела бездна с гирляндами огней – Ялта. Не попробовать ли уйти, когда все уснут?

Откуда-то доносились голоса. Я на цыпочках подошёл к окну, рядом оказалась дверь на балкон. Она не скрипнула, когда я осторожно открыл её.

К счастью для меня.

Балкон шёл вдоль второго этажа отеля и был разделён перегородками на отдельные секции. Голоса доносились снизу – наверное, из номера подо мной.

Один был женским, и сердце у меня заныло – он звучал холодно, но странно чаруя: – Не суетись. Ты на свободе, а это главное. Ещё найдёшь возможности для развлечений.

Ему ответил мужской голос, и я вздрогнул – слова прозвучали резко, как свист клинка:

– Он обманул нас! Столько лет в заточении – и что? Наши руки связаны.

³ Strand Strategy for the 1980-s. Washington, 1979, стр. 61–62

– Поле боя вокруг тебя, – холодно возразила женщина. – Просто отложи меч и воюй руками других.

– Этих? Они много болтают и не знают, что прочно лишь основанное на крови.

– Они знают, – смех женщины ледяными колокольчиками прозвучал в темноте. – Пока теоретически, но из таких выходят лучшие. Рарох указал именно на них.

Холодом потянуло из темноты. Я ничего не понял, но осторожно отступил. На этот раз под ногой скрипнуло – наверное, разошедшийся паркет. Сразу настала тишина.

Я нащупал кровать и лёг, не раздеваясь. Сердце сильно билось, окно походило на чёрную яму – огни Ялты скрылись за подоконником...

Вскоре я понял, что в комнате кто-то есть.

Не раздалось ни единого звука, но будто красноватый отсвет разлился по полу, и я стал различать предметы. Серый прямоугольный глаз телевизора, подсвеченный снизу торшер, а рядом кресло...

В кресле кто-то сидел.

Я хотел вскрикнуть, но горло перехватило, и не смог выдать ни звука. Как в кошмаре.

– Не бойся, – прозвучал тихий голос. – Почему люди такие пугливые? Я просто Аннабель...

Не досказав, она встала, и платье зеленоватой волной упало со стройной фигуры, открыв тёмные холмики груди. Во рту у меня сразу пересохло.

А женщина приблизилась – теперь тёплый розовый свет струился по её груди и бёдрам, стекал на пол красноватой лужицей.

Красное и зелёное...

Аннабель наклонилась, и пышные волосы упали вокруг моего лица, скрыв даже этот слабый свет. Её глаза казались чёрными провалами, едва видимые губы приблизились к моим, а рука проникла под рубашку и легла на грудь.

Она показалась ледяной, но всё тело затрепетало...

И вдруг Аннабель отпрянула.

Свет снова упал на её лицо, и было видно, как расширились зрачки и ноздри. Она отняла руку, и ледяные пальчики скользнули по моему животу, так что меня бросило в жар.

Но Аннабель резко выпрямилась, держа в руке бумажник.

Я поразился: неужели меня банально хотели ограбить?

Если бы так...

Аннабель перевернула бумажник – со слабым звоном посыпалась мелочь, а следом выпал засохший цветок.

Засохший?

От фиолетового сияния тени прыгнули на стены, и тень Аннабель показалась самой огромной и грозной из всех. Упав, цветок немного померк, но всё равно на него было больно смотреть – словно горящий аметист лежал на полу.

– Где ты?.. – свистящим шёпотом начала Аннабель, но вдруг резко повернулась и выбежала.

Я вскочил, сердце отчаянно билось, нагнулся и подобрал бумажник. Что происходит? Боязливо протянул руку к цветку...

И замер.

Словно прошелестел воздух, и цветок распался на две половинки – я успел заметить только туманную полосу. Судорожно вспыхнул фиолетовый свет – и померк.

Меч!

Весь в холодном поту, я поднял глаза и увидел тёмную фигуру – но это была не Аннабель.

– У тебя было оружие, но ты не воспользовался им, – раздался свистящий голос, и я сразу узнал только что слышанный под балконом. – Кто ты, второй раз встретившийся на пути?

Меня словно обдало морозом – я всё вспомнил! Мёртвый город, чёрную реку и три фигуры на гранитном берегу. Так вот почему знакомым показалось холодное очарование в голосе женщины...

Я не стал тратить времени на ответ. Выскочил на балкон и, перемахнув перила, покинул негостеприимный отель. Сильно ударился пятками, но это лучше, чем быть проткнутым насквозь. Меч у этого господина явно был хорошо наточен. Интересно, как он его провёз на Украину? Впрочем, и нас пограничники не досматривали. И ещё, кто он по национальности? Вроде бы не японец: я где-то читал, что японцы не выговаривают букву «л»...

Конечно, я не стоял как пень, а улепётывал со всех ног. Похоже, это становилось моим привычным занятием.

И, конечно, далеко не убежал. За оградой отеля оказалась бетонированная площадка – наверное, для приёма вертолётчиков VIP-персон, – и там в свете фонаря меня ждали.

Высокая фигура – женская, и пониже – мужская. Как они успели оказаться здесь?

Я тоскливо оглянулся на отель, но все окна были темны. Ведь недавно ещё горланили, приканчивая пиво! Впрочем, кто меня станет спасать – бедного Буратино от лисы Алисы и кота Базилио? Хотя моя ситуация хуже, тут болотом с лягушками не отделаешься.

Я поглядел по сторонам: ложбины с прядями тумана, чёрная роща, яркие белые яйца на холме. Над тёмным морем встанет луна.

Помощи ждать не от кого.

– Он опять бежит, – презрительно сказал женский голос, фигуры были уже в нескольких шагах. – Разве это противник?

– Как знать? – задумчиво произнёс мужчина. – Мы встречаем его во второй раз. Но третьего не будет.

Он сделал лёгкое движение, и из-под тёмного широкого рукава заструилось слабое свечение. Снова меч!

Ноги у меня ослабели, а мышцы живота судорожно сократились, словно холодная сталь уже пронзила их.

– Постой, – обеспокоено сказала женщина. – А вдруг правила уже действуют? Мы не можем убивать никого... из тех.

– Ты сама сказала, что он слабак, – рот мужчины раздвинулся, словно чёрная щель. – А тот осмелился бы скрестить оружие с Тёмным воином, пусть и без надежды на победу.

– Как знаешь, – пожала плечами женщина. – Ты будешь наказан, а не я.

– И тогда ты станешь менять любовников чаще, – расхохотался мужчина.

– Скорее реже, – слова прозвенели как ледяные колокольчики. – Пока ты убиваешь их слишком быстро.

Меня затошнило: перебранка шла, словно уже над моим трупом. А мужчина шагнул вперёд, даже не поднимая меч...

Я так и не заметил размаха. Что-то просвистело, как в прошлый раз, и я опустил глаза, страхась увидеть кровь, льющуюся на грудь из рассечённого горла. Где-то читал, что в первое мгновение человек ничего не чувствует.

Но ничего такого не увидел, зато услышал странно изменившийся голос женщины.

– Смотри!

Я поднял голову и увидел, что Аннабель отвернулась от меня, а мужчина с кривой улыбкой глядит на обнажённый меч.

– Странно... – начал он. Потом тоже повернул голову.

На холме с белыми яйцами что-то двигалось. Я вгляделся, и вдоль позвоночника словно прошлось ледяные когти – чёрная собака бежала вниз по слабо освещённому склону. В этом не было бы ничего странного, но холм находился в нескольких километрах отсюда, а значит, собака была величиной с дом!

Она мячом перекатилась через серую равнину и, странное дело, не выросла в размерах, а словно уменьшилась по пути (я обалдело вспомнил «Чёрного монаха» Чехова) и села на границе освещённого пространства – огромный чёрный пёс.

Я изумлённо вскрикнул:

– Гела!..

Но второй окрик застрял у меня в глотке. Гела показалась бы щенком по сравнению с этим псом: морда на уровне моего лица, зеленовато-жёлтые блюда глаз, красный язык свешивается из раскрытой пасти. И ещё я вспомнил, что уже видел такого пса – задолго до Гелы, возле каменной башни у подножия Безенгийской стены.

Тот странный камень – чернее и выше других, с двумя зелёными изумрудами глаз...

– Это твоя собачка? – нервно рассмеялась Аннабель.

– Нет, – коротко ответил мужчина. – Хотя не прочь завести такую. Мы уже видели их, помнишь?

– Значит... – голос женщины будто растаял вдали.

– Да, – согласился мужчина. – Она проделала долгий путь, с самых границ...

– Замолчи! – резко оборвала его Аннабель.

Наступило молчание, и в этой тишине собака зарычала. Сначала рык возник где-то в глубине горла, но всё вокруг задрожало, словно поезд приближался из туннеля метро. Потом вырвался... У меня заныли кости и ослабли колени, а женщина прижала ладони к ушам. Казалось, сотряслась вся сумрачная равнина и легла трава. Мужчина отступил, но поднимая меч.

– Опусти оружие, – сказал тихий женский голос, и всё опять смолкло. Я обернулся, но никого не увидел.

– Время ещё не пришло, – столь же тихо и мелодично прозвучало в темноте.

– Так это твой пёс? – хрипло сказал мужчина.

– Конечно, Тёмный, – с лёгкой насмешкой произнёс голос. – Разве на Земле есть такие?

– Они не должны появиться до самого дня... – яростно начал мужчина.

– Ты неуважительно обошёлся с моим подарком, Тёмный. – На этот раз в голосе прозвучала угроза, а темнота неуверенно поколебалась вокруг. – И вдобавок обнажил оружие на моего стража.

Меч скрылся в ножнах, а поза мужчины стала не такой горделивой.

– Извини, Владычица, – наконец с иронией произнёс он. – Твои подарки плохо хранят. Но мы уходим.

Он повернулся к Аннабель, которая за всё время не произнесла ни слова. Зелёное платье теперь охватывало её от шеи до щиколоток, и женщина как бы растворялась в темноте.

– Идём, дорогая, – галантно произнёс мужчина.

Странная пара прошествовала к отелю, а в другую сторону двинулось будто серебристое сияние, но тут же погасло. Так что со мной никто не попрощался, а когда я обернулся, то оказалось, что и собачка пропала.

Я особо не расстраивался. Ничего не понял, да и не пытался понять. Голова разболелась, и я весь дрожал, так что быстро пошёл прочь от отеля, надеясь согреться ходьбой. Где-то там должна быть станция канатной дороги...

Ночью она, естественно, не работала, а возле базара меня остервенело облаяли собаки – к счастью, вполне обыкновенные. Пришлось отойти подальше и устроиться на склоне холма под скальным навесом.

Ночь была бесконечной: мучил холод, и невнятно бормотали деревья. Утром солнце поднялось не из моря, а над пологом туч, словно мглы от мирового пожара. Оно висело напротив меня, как красный воспалённый глаз. Наконец я увидел первый вагончик, ползущий вверх под серебристыми нитями тросов, и поспешил к станции. Когда начал спуск – один в пустом вагоне, – солнце поднялось выше, и над лесом зарозовели каменные колени скал.

Дома я поспал, и всё случившееся – Аннабель, мужчина с мечом, громадный пёс – стали казаться обыкновенным кошмаром. Была ли поездка в Ялту вообще?

Я умылся и пошёл к Кире. Она встретила меня как ни в чём ни бывало, и мы отправились в парк. Там набрали на стену со сводчатой нишей. В нише по камню шла надпись «TRILBY», а под надписью были барельефы: каменная собака прыгала на каменную кошку. Из ниши струилась вода.

– Совсем как у нас дома! – рассмеялась Кира. – У нас чёрная собака по кличке Пират, и важный сибирский кот. Как начнут порой драться! Пират насккивает на кота, а тот бьёт собаку лапой по морде: Фыр! Фыр!..

Будто чуть потемнело в парке, но тут же вновь засияло солнце. Кира продолжала говорить, сжимая прохладными пальцами мою руку. Мы спустились на загромождённый камнями пляж, скинули одежду, и я всей кожей ощутил палящее и ласковое прикосновение солнца. Мы брызгали друг в друга, и Кира смеялась в водяном фейерверке...

К обеду она ушла в пансионат, а я отправился домой и снова поспал. Малевича всё ещё не было. К вечеру я проснулся, сходил на море, и опять побежал к пансионату.

Порозовел и медленно угас скалистый замок Ай-Петри. Солнце скрылось, мягкий полусвет разлился по парку, таинственно преобразив его. Тёмными драконами простёрлись над серой травой ветви ливанских кедров. Жёлтые цветы выглядывали из чёрных крон магнолий. Тихо журчала вода под аркой, словно боясь разбудить от каменного сна кошку с собакой. И я снова ощутил странное чувство – что здесь не бывает ни солнечного дня, ни смены сезонов. Вечно сумерки стоят на этой лужайке, и вечно цветут магнолии...

Единственная скамейка была занята, так что мы спустились по склону и присели между корней исполинской сосны. Кире я постелил пляжное полотенце. Мы долго молчали, потом я протянул руку и дотронулся до гладкого плеча Киры. Попытался привлечь девушку к себе, но Кира со смешком отодвинулась.

– Не распускайте рук, молодой человек.

Тогда я сказал то, что изумило меня самого. Как-то не говорил этого раньше.

– Я люблю тебя.

Кира опять рассмеялась, но как-то глухо:

– Вам это только кажется, молодой человек.

Я молчал, опустошённо глядя, как песчаные дорожки, трава и деревья приобретают одинаково серый цвет и постепенно тонут во тьме. Вдруг тонким ароматом повеяло в воздухе. Я почувствовал тёплое дыхание на щеке и повернулся. Лицо Киры оказалось рядом – она незаметно придвинулась – и я поцеловал её прямо в дрогнувшие губы...

Мы целовались до изнеможения, и под конец оба тяжело дышали. В отдалении монотонно шумело море, хотя скорее это шумела кровь в ушах. От мягких прикосновений губ Киры, её щекочущих волос и скрытых лёгким платьем грудей по телу разливалось сладостное томление. В парке сгустилась темнота, яркие звёзды взошли над чёрными верхушками деревьев. Глаза Киры были полузакрыты и чуть блестели.

Моя рука сама опустилась и двинулась вверх по бедру девушки, сдвигая лёгкое платье. Кира ничего не сказала, только задышала чаще. Шелковистость её кожи совсем опьянила меня, и будто палящий огонь разгорелся внизу живота. Уже плохо соображая, что делаю,

я рванул трусики Кире вниз, а потом свои шорты. Кира продолжала молчать, только безвольно откинула голову на корень. Я лёг сверху и ощутил, как часто бьётся сердце девушки. Хотя Кира разомкнула ноги, было не очень удобно, и только после нескольких попыток я вошёл в неё, ощутив горячей плотью нежность и как бы прохладу. Кира застонала, прижав голову к моему плечу, и чуть оскалила зубы. Казалось, вся земля мягко трепещет, когда я поспешно двигался вверх и вниз. Я ободрал локти о куски коры, и эта боль слилась с нарастающей сладостной болью. Лицо Кире зажглось пунцовым светом, глаза закрылись, и мы оба вскрикнули, когда пульсирующее пламя излилось из меня...

Огонь угас, но из обволакивающей нежности ещё долго не хотелось выходить. На щеках Кире блестели слёзы, и я поцелуями слизал несколько солёных капель.

Наконец я нехотя отстранился. Кира нервно рассмеялась:

– Тебе придётся постирать полотенце. У меня ведь в первый раз. Я и не думала, что так получится.

Она встала и, спотыкаясь, пошла к скамейке. Мне пришлось придерживать за локоть. Кира вздохнула:

– Чувствую такую слабость.

Склонив голову мне на плечо, она затихла. А меня переполняли покой и нежность, я слушал лепет листьев, плеск моря внизу и прерывистое дыхание Кире.

Наконец она подняла голову и хрипловато рассмеялась:

– Вообще-то давно пора в пансионат.

На ногах она держалась неуверенно, и я провожал её, взяв под руку. У пансионата мы поцеловались, а потом Кира поднялась по ступенькам. Я постоял и отправился домой. Меня переполняли теплота и нежность, я словно плыл по тёмной улице, а внизу шумело море, ворочая белки бесчисленных глаз.

Но по мере приближения к дому я шёл всё медленнее, а возле ворот остановился: за стеной угрожающе заворчала собака. Слово холодом дохнуло из темноты, вспомнились события прошлой ночи. Днём они стали казаться нереальными, а чудесно закончившееся свидание с Кирой вообще заставило забыть обо всём, но теперь вдруг показалось, что кто-то подкарауливает в темноте – то ли мужчина с мечом, то ли чёрный громадный пёс...

А если меня не оставили в покое? Ведь выследить при желании было нетрудно...

Я пробовал успокоиться – это ворчала Гела, нас в комнате двое, хозяева рядом. Что может случиться?

Вошёл в калитку.

Гела возникла чёрной тенью, несколько шагов сопровождала меня, а потом опять растворилась в темноте. Малевича не было, вместо него оказалась записка: на несколько дней снял другое жильё. Всё ясно, брюнетка...

Я разделся и лёг. Попытался вспоминать Киру и то наслаждение, что испытал, но мысли мешались: перед глазами появлялась то Аннабель, склонившаяся надо мной в зелёном ореоле, то тёмная фигура с блестящим мечом...

Чего они привязались ко мне? Кто такие, что преследуют в странных снах и наяву?

Мне становилось всё более не по себе, я в сарайчике один и без оружия. В поведении той странной парочки чувствовалась неуверенность, но кто знает, что им придёт на ум? Вот только где я им перешёл дорогу?.. Нет смысла гадать, всё слишком странно. Я спустил ноги на прохладный пол, тихо прокрался к двери и включил свет. Оконные рамы массивные, с частым переплётом – наверное, переставлены откуда-то. Я тщательно задвинул шпингалеты, теперь так просто не влезешь.

В углу лежала груда деревянных брусков – наверное, припасены для ремонта. Я выбрал один поувесистее и прислонил к кровати.

Затем осмотрел дверь, вот где слабое место. Сделана из фанеры, хлипкий крючок вместо запора. Разве подпереть чем-то?.. Я попробовал сдвинуть кровать Малевича, но тщетно: деревянный топчан был приколотен боковиной к стене. При этом задел рукой электрическую розетку, и появилась другая идея. После школы, пока не поступил в университет, мне пришлось поработать дежурным электриком, и там надо мной зло подшутили...

По окончании курортного сезона хозяин, видимо, использовал сарайчик как мастерскую: возле двери стояла циркулярная пила, а к ней шёл кабель от электрического щитка. Сейчас автомат на щитке был выключен. Я нажал кнопку, и зажёгся красный огонёк сигнальной лампочки – ток пошёл.

Выключив автомат, я повернулся к двери, и снова мне повезло: она закрывалась поворотной ручкой из металла, хотя и довольно разболтанной. Я поспешно приступил к работе: достал из сумки складной нож и, обрезав кабель, зачистил концы. Чтобы найти фазу, пришлось снова включить автомат и проверить на искру. Автомат со щелчком вышибло, а я вздрогнул и как можно плотнее намотал оголённый конец на дверную ручку. Потом закрепил другой провод, опять нажал на кнопку и, несколько успокоенный видом красного глазка, вернулся к своей кровати. Для большего эффекта выплеснул на пол воду из чайника. Интересно, сработает ли? Хотя, скорее всего, беспокоюсь зря. Самому бы не забыть утром, что тут наворотил.

В тишине громко трещали цикады, сквозь открытую форточку из посеребрённой тьмы тёк прохладный воздух. Неподалёку тихо взвизгнула Гела. Я вспомнил ласковые губы Киры и, улыбаясь, стал задрёмывать...

Очнулся от скрипа дверных петель, треска вырванного крючка и оборвавшегося стога. Из открывшейся двери пахнуло ночной свежестью, что-то тяжело рухнуло на пол.

Сердце сильно забилося, я вскочил, но к счастью сохранив способность соображать – не сделал ни шага. Нашарил фонарик (незаменимая вещь для ночных походов в уборную) и в жёлтом пятне разглядел на полу скорченную человеческую фигуру.

Я схватил припасённый брусок, но к двери приблизился осторожно, приставляя ступню к ступне, чтобы самому не получить шагового удара током. Оказалось, что рука непрошеного гостя уже соскользнула с дверной ручки. Я угостил его несколькими ударами по голове, а когда взломщик с хрипом вытянулся на полу, нажал кнопку автомата и нагнулся. Сердце отчаянно стучало.

Но это оказался не тот, с мечом...

Обыкновенный громила: с короткой стрижкой, белки глаз закатились, зубы оскалены. К моему облегчению, хрипло дышит – не так много времени пробыл под током, а мои интеллигентские удары вряд ли сильно повредили его черепушке. Кстати, моя идея могла не сработать, но ночной гость был в одних носках – наверное, снял обувь, чтобы ступать потише. В общем, дуракам везёт, а я тогда был порядочным дураком. И даже не испугался, увидев на полу нож...

Это теперь я понимаю, что тогда меня спасло только чудо. А за чудеса приходится платить.

Я пнул нож под кровать и осторожно выглянул за дверь: никого, только светлеет дорожка. Едва сделал несколько шагов, как шархнулся от тёмного пятна, а сердце подпрыгнуло – чёрная собака лежала на траве. Но тут же понял, что это Гела. Неужели убита?

Я глянул на окна второго этажа: не позвать ли Нестора? Но не успел: в угольно-чёрной тени под воротами что-то шевельнулось, и тёмная фигура выступила из неё – с лучиком серебристого света в руке.

Мне казалось, что я никак не очнусь от кошмара. Это сейчас я бы только улыбнулся: подумаешь, подослали двух громил. А тогда колени ослабли, я отчаянно взмахнул руками, пытаясь удержаться за одну из нависших над тропинкой ветвей.

...И ударился костяшками пальцев о перекладину турника – Нестор по утрам делал зарядку и подтягивался на нём. Тут же возникла идея, хотя тоже не оригинальная: я схватил перекладину обеими руками и, когда фигура кинулась на меня, подтянулся и с силой выбросил ноги навстречу.

Удар пришёлся будто в каменную стену, фигура с хрипом отлетела и грянулась о створки ворот, так что те загремели. Я опустился на землю и, сунув ногу в сорвавшуюся сандалию, подошёл. Похоже, нападавший пока не собирался вставать, так что я выглянул в приоткрывшуюся створку.

Гравийное покрытие казалось белой рекой в лунном свете, и (в который раз за последние дни?) я ощутил, как ледяной холод коснулся мокрой от пота спины. Ещё одна тёмная фигура стояла на другой стороне улицы. Пока я смотрел, она подняла руку, будто салютуя, и холодный алмазный свет брызнул с длинного лезвия...

Потом фигура пропала. Я стоял, ошалело моргая, а в доме начали хлопать двери и загорелся свет.

Нестор выбежал в одних трусах и первым делом нагнулся над Гелой. Стал трясти, замер и выпрямился, держа между пальцев маленькую пулю с иглой на конце.

– Ну и дела, – озадаченно протянул он. – Первый раз вижу, чтобы воры использовали такое...

Он искоса поглядел на меня, а я содрогнулся, вспомнив Адишский ледопад. Но промолчал, что мне оставалось делать?

Обоих нападавших Нестор ловко, по-матросски, связал. Когда приехала полиция, они уже пришли в себя и хмуро озирались. Полицейские даже не стали составлять протокол. Затолкали злоумышленников в фургон, Нестор вынес бутылку вина, милиционеры выпили по стакану и, забрав бутылку, уехали.

– Выпустят этих обломов, – задумчиво сказал Нестор, трепля загривок очнувшейся Гелы. – Откупятся. Знаю их, на рынке всегда пасутся. И чего ко мне полезли? Да ещё с усыпляющими пулями?..

Он снова испытующе поглядел на меня, и снова я промолчал.

Побрёл к своему сараю и, не рискнув включать свет, ощупью нашёл топчан. Посидел, пока сердце не стало биться ровнее. Оказалось, что в помещении не совсем темно, пол отсвечивает красноватым...

Я едва сдержал лязг зубов. Уже не удивился перезвону ледяных колокольчиков.

– Он опять не достал тебя, – промурлыкала Аннабель. Она сидела на топчане Малевича, тёмная фигура со слегка выступающими грудями. – Но не надейся, что оставит в покое.

– Кто вы? – тоскливо спросил я. – Почему преследуете меня?

Аннабель помолчала. Неожиданно встала, сделала шаг и коснулась пальцем моего лба. Я почувствовал словно разряд электрического тока, и в голове посвежело. Оказалось, что Аннабель снова сидит.

– Хорошо, я отвечу тебе, – задумчиво произнесла она. – Нас можно назвать метагомами, следующей ступенью человеческой эволюции. Одна древняя цивилизация мечтала о бессмертии и могуществе. Их учёные овладели искусством биоконструирования – и создали нас. Однако этим перешли грань, их цивилизация была стёрта с лица земли. Но нас невозможно уничтожить, поэтому только заточили. Лишь недавно удалось разрушить энергетические стены...

Что за бред? Я облизал пересохшие губы.

– Допустим. Но что столь могущественным существам нужно от меня?

Слова Аннабель будто холодными пальцами трогали мой мозг.

– Мир не останется прежним. Наше появление сместило вероятности. Ты многое видел, хотя и не понял. Но ты знаешь, что будет война. Ты знаешь, что будет применено

новое оружие. По твоему описанию физики могут разгадать принцип его действия. Ты стал опасен.

– И вы хотите меня устранить? – уныло спросил я.

– Я хочу, чтобы ты шире открыл дверь, – непонятно ответила Аннабель. – Но ты оказался между волком и собакой, Андрей. Мой спутник хочет убить тебя, у него есть веские причины, и ты ещё узнаешь о них. Люди из организации Сибил будут контролировать тебя и тоже убьют, если сочтут опасным.

– Чего они-то хотят? – буркнул я.

– Изменить мир, – серебристо рассмеялась Аннабель. – Ты для них лишь орудие. Похоже, одна я хочу помочь тебе.

– Почему? – устало спросил я. Сплошь загадки в темноте.

– Возможно, я испытываю к тебе симпатию. А возможно, я самая коварная из всех. Кто может знать сердце женщины?

Я скрипнул зубами:

– Буду рад помощи, тем более от такой красавицы.

Аннабель снова рассмеялась, на этот раз резковато.

– Оказывается, ты умеешь льстить. Неплохо, это тебе тоже понадобится. Так вот, чтобы выжить, тебе нужно прикинуться, что ты на нашей стороне. Потом сам будешь решать. Но от моего спутника это не спасёт. Ты должен увидаться с Рарохом.

– С кем? – приуныл я.

– Увидишь. Только приходи на встречу. – Аннабель снова оказалась рядом, и в мою руку скользнуло что-то продолговатое.

Странный пьянящий аромат. Мимолётное жгучее прикосновение к щеке. Стук открываемой двери и порыв холодного ветра из темноты. Словно я не на юге...

Я сидел без сил, но потом всё-таки встал и включил свет. На ладони лежал плотный конверт необычного вида – с тиснёной зелёной вязью буквой «L». Конверт был открыт, внутри лежал листок бумаги и карточка красноватого цвета, тоже с зелёной единственной буквой «L».

На листке с удивлением прочитал:

«Тот, кому выпала эта карта, приглашается на встречу с Прекраснейшей». Тут же был адрес со схемой проезда с Садового кольца. Можно было и пешком от станции метро «Смоленская». Указывалась дата – на следующий день после моего возвращения в Москву, а время стояло странное: «в час после заката». Карточку следовало показать охране на входе.

Я заснул только под утро. И увидел сон...

Стены сарайчика постепенно сдвигаются, и я оказываюсь как в тёмном ящике. Ящик потряхивает, словно он куда-то едет. Понемногу я различаю голоса, будто отдалённо звучит радио. Мужской говорит:

– Проще всего сбросить его со скалы. Тут как раз подходящее место. Гулял и сорвался. Никакого расследования.

– Нет, – отвечает женский голос. – Мы встретились с уникальным источником информации. Имплантированная программа действует, раз он приехал в Ялту. Мы лишь модифицируем её, чтобы быть уверенными...

Молчание, будто выключили звук...

– Не настаивай. Иначе я сообщу Растусу, что создаёшь нам трудности.

Мужчина буркает в ответ, и снова молчание.

Немного светлеет. Я сижу в помещении, на голову надето что-то холодное. Передо мной в темноте роятся светляки, вот они упорядочиваются, вот меняют строй. Такое впечатление, что на грани слышимости звучат слова, но я не улавливаю смысла...

Снова темно.

Просыпаюсь на своём топчане, а в голове всё ещё звучит, удаляясь:
– Ты видел сон... видел сон... сон.

Что меня теперь удивляет, я не унёс ноги сразу, а остался до дня, на который был куплен обратный билет. Сейчас-то я научился удирать, камуфлируя это изящным термином «тактическое отступление». А тогда из меня только начали выбивать дурь. Но меня совсем очаровала Кира...

Днём мы лежали на пляже или прогуливались по крутым улочкам, а вечерами шли в парк. На траву и цветы опускались сумерки, таинственный полусвет разливался среди деревьев. Мы находили какую-нибудь скамейку и садились. Целовались сначала робко, оглядываясь по сторонам. Но ливанские кедры укрывали нас своей глубокой тенью, и мы распались...

Но дальше поцелуев Кира, к моей досаде, больше не шла. Между тем подходило время отъезда. В последний день моего пребывания в Крыму собрались наконец в Ласточкино гнездо. Катер оставлял пенный след, Кира прятала лицо от брызг за моей спиной.

Наконец высокая скала выросла над взбаламученным морем, катер вошёл в прохладную тень зубчатых стен, и я вспомнил, что уже видел этот причудливый замок – в старом детском фильме «Синяя птица». Там это был замок Ночи.

Мы поднялись по каменной лестнице. Кира перелезла через парапет и на самом краю обрыва сорвала красный цветок на длинном ворсистом стебле. Покачала его перед глазами, а потом бросила. Цветок падал долго – красноватое пятнышко над синей бездной вод. Кира задумчиво смотрела ему вслед.

В Алупку возвращались на такси – почти беззвучный полёт среди тёмных сосен. Убывающая луна слабо выбелила обрывы Ай-Петри. После оживлённого кафе, где нам хорошо танцевалось вдвоём, Кира притихла.

У пансионата сели на теннисный стол в густой тени шелковицы, и я обнял Киру. Она покорно прижалась, позволив моей руке пробраться под платье. Я ощутил пальцами шелковистую гладкость внутренней стороны бёдер и мигом возбуждился...

Вдруг Кира надавила рукой сверху так, что кончики моих пальцев, будто раздвинув лепестки скрытого цветка, погрузились в мягкую глубину. Кира прерывисто вздохнула, а потом резко отодвинулась.

– Что?.. – начал было я.

И умолк.

От стола спускалась тропинка, по ней я впервые проник в этот заброшенный сад. Сквозь чёрную крону шелковицы сквозил свет, освещая выщербленные плиты. Между деревьям был проём, где днём виднелось море. Сейчас море исчезло, зато горели звёзды. Они образовали что-то вроде яркого венца, и я подсадовал, что не знаю, какое это созвездие.

Что-то вроде серебристого сияния поднималось над тропинкой к нам. Моё сердце замерло, потом начало прерывисто стучать.

Листва шелковицы над нами сделалась как серебряная филигрань...

И вдруг всё погасло. Исчезло серебристое сияние, а звёздный венец рассыпался на тусклые угольки.

Много раз я потом искал это созвездие в звёздных атласах через Интернет. Но не нашёл...

– Ты видел? – странным голосом спросила Кира.

– Да, какой-то свет... – пробормотал я.

Кира долго молчала.

– Это была женщина, – наконец прошептала она. – Женщина необычайной красоты, вся будто сотканная из света. У меня до сих пор мурашки бегут по коже. Кто это мог быть?

Я не ответил. Ещё недавно я остро хотел Киру, но теперь всё ушло. На душе стало тревожно, темнота и звон цикад угнетали. Я поцеловал Киру и простился. Она, кажется, недоумевала. Адресами обменялись ещё днём.

Я уехал утром, простившись с Нестором и потрепав за ухом Гелу. Странно, на сей раз она приняла это благосклонно. Малевич уехал ещё два дня назад, похудевший, но довольный брюнеткой. Крым разворачивал за окном автобуса свои открыточные красоты, а потом застучали по рельсам колёса.

Я жевал купленные дёшево груши и, глядя сквозь пыльное стекло, с досадой вспоминал Киру. Всего-то раз и был секс. Ну что же, скоро я забуду её. Женщин будет много в моей жизни...

Любовь – это нежный цветок и, когда срываем его, быстро вянет. Вянет и тогда, когда не срываем. Увядает от разлуки, от каждодневных семейных будней... Так думают обычно люди, и в общем правы. Я тогда не знал, что иные цветы клонятся, но не горят даже под огненным дыханием Армагеддона.

4. Ветер будущего

В Москве поезд прибыл на Киевский вокзал. Я вышел на просторную площадь – к искрящемуся на солнце фонтану, стеклянному мосту через Москву-реку, и вновь ощутил холодное дуновение: этот город я видел безлюдным и под покровом вечных сумерек. Что с ним может произойти?..

Переночевал у родственников, долго ворочался на неудобной раскладушке. Наконец заснул.

И, подобно Алисе, очутился в очень странном месте...

В обе стороны уходит песчаный пляж, на него набегают тёмные волны, омывая ноздреватые льдины. Кроме застрявших торосов и редких камней на песке ничего нет. Чуть поодаль от берега вода растворяется в сумраке.

Сзади раздаётся стеклянный звон, я оглядываюсь.

И едва не сажусь на песок: ледяной замок возносится надо мною. Угрюмым синим светом тлеют шпили башен, холодный голубой свет стекает с витых лестниц, красные огоньки горят в тёмных узких окнах. Жутью веет от этого здания, построенного будто не людскими руками.

Вот он, истинный Замок Ночи!

К чёрной воде спадает лестница из голубого льда, по бокам её сторожат химеры, а на площадке стоит женщина. Я сразу узнаю Аннабель. Но сейчас её лицо гордое и жестокое, и напоминает высеченную из льда маску.

А ещё отчаяние застыло в изломе бровей...

Женщина напряжённо смотрит во мрак, словно что-то заставило её выйти из заколдованного замка, и не замечает меня.

А во мраке начинает происходить какое-то брожение. И вдруг словно распахивается окно, и я с содроганием вижу уже знакомую картину: снежные горы, металлические острия на обширной площади среди леса, и надо всем синеву небосвода. В нём разгорается призрачное зарево, словно огромная птица взмахивает крыльями из голубого пламени...

Что-то заставляет меня обернуться.

Женщина уже не стоит, а спускается по ледяной лестнице. На лице теперь недоверие и жестокая радость. На последней ступеньке женщина колеблется, но вдруг шагает прямо на воду, и та выдерживает – только от каждого шага распространяются серебристые круги. Женщина проходит совсем немного – и исчезает в сумрачных парах. И сразу словно задёргивается занавес, пропадает зрелище заснеженных гор.

Я поворачиваюсь, но замка уже не видно – лишь песок, камни и ноздреватые льдины. А потом начинает темнеть, и будто чьи-то холодные пальцы пробегают у меня в голове...

Я проснулся и долго лежал, приходя в себя. Птицы чирикали за окном, в комнате был полумрак. Что за страсти мне стали сниться после того злосчастного «семинара» в Грузии? Словно компьютерная программа взломала замок двери, ведущей в глубину подсознания, а то и ещё дальше. Не про этот ли берег говорила Аннабель? Но где может находиться такой?..

Я побродил по Москве, и мне казалось, что даже сквозь карман жжёт конверт Аннабель. Идти или нет? А через некоторое время поймал себя на том, что постоянно оборачиваюсь: не следит ли кто?

Я плюнул – чего мучаюсь? – и зашёл в ближайшее Интернет-кафе. На этот раз заглянул на официальный сайт ФСБ. Может быть, эта организация поможет?

На сайте обнаружил заманчивое предложение стать двойным агентом: всем завербованным иностранной разведкой гражданам предлагалось сотрудничать с ФСБ, причём с сохранением выплачиваемого иностранной спецслужбой денежного содержания.

Я некоторое время думал, подходят ли таинственная организация Сибил под понятие иностранной спецслужбы, но решил не выяснять, и только скопировал вывешенный адрес электронной почты. Бдительным гражданам предлагалось описать подозрительное событие и, указав его дату и участников, отправить сообщение в ФСБ, конфиденциальность гарантировалась.

О денежном вознаграждении не упоминалось, но я ведь не за-ради денег, а как патриот России...

Я создал почтовый ящик на бесплатном сервере и пару часов трудолюбиво составлял первый в жизни донос: «семинар» в Грузии, какие темы обсуждались, кто участвовал. Долго думал, описывать ли картину сумрачной ирреальной Москвы, но решил, что не стоит – примут за психа. В это учреждение и так, наверное, обращается уйма шизофреников. Кратко рассказал о своём бегстве и таинственном Симоне. Потом о втором семинаре в Крыму и опять задумался: сообщать ли про Аннабель и её напарника? Решил, что тоже не стоит. Зато подчеркнул, что эта таинственная организация интересуется новейшими технологиями и может строить враждебные планы – как в отношении Запада, так и России...

Отправил письмо, и даже почувствовал гордость: как бы меня не пытались программировать, а свободу выбора я сохранил.

И бывают же такие олухи на свете!..

Долго сидел в Интернете, наконец настал вечер. Я вдруг со смущением понял, что нетерпеливо жду назначенного времени.

Несмотря на схему, не сразу нашёл место. Язычки закатного пламени уже потухли в окнах высотного здания на Смоленской, когда отыскал нужный подъезд. Под ничего не говорящей вывеской тускло блестели стеклянные двери. На автостоянке теснились иномарки. Когда я вошёл в полутёмный холл, меня оглядел охранник в чёрном костюме, и я протянул карточку с буквой «L».

Охранник глянул на карточку и пошевелил пальцами. Я вспомнил о листке с адресом и отдал его. Возвращая карточку, охранник указал:

– Это внизу.

Я миновал закуток с туалетами и стал спускаться по лестнице, покрытой красным ковром. Спуск был на удивление долгим, внизу оказалась массивная дверь из тёмного дерева со стальными полосами. Я надавил на золочёную ручку, и дверь неожиданно легко открылась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.